

ТОНИ ЮНА

СТАЯ КРОВАВЫЙ ХАМЕЛЕОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тони Юна

Стая: Кровавый хамелеон

«Автор»

2026

Юна Т.

Стая: Кровавый хамелеон / Т. Юна — «Автор», 2026

Они — анафемы. Ошибки природы. Изгой. Их манифест: душа, тело и сердце. Жизнь Кассиопей Рид и её стаи состоит из бесконечных тренировок, контроля и борьбы за выживание. Для человечества они — опасное оружие. Всё меняется, когда в их «адскую» академию ссылают Дэниела Фокса — телекинетика, чья мощь пугает даже его самого. Дэниел — новый эксперимент Кассиопей. Она — его единственное спасение от безумия. Сделка заключена: его жизнь в обмен на её душу и тело.

© Юна Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. КАССИОПЕЯ	5
ГЛАВА 2. НИК	8
ГЛАВА 3. КАССИОПЕЯ	11
ГЛАВА 4. МАРИ	16
ГЛАВА 5. КАССИОПЕЯ	19
ГЛАВА 6. НИК	24
ГЛАВА 7. МАРИ	30
ГЛАВА 8. ДЭНИЕЛ	35
ГЛАВА 9. КАССИОПЕЯ	38
ГЛАВА 10. ДЭНИЕЛ	46
ГЛАВА 11. НИК	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Стая: Кровавый хамелеон

ГЛАВА 1. КАССИОПЕЯ

Бег помогает отвлечься. Полная хрень. Я бежала целый час, сердце колотилось по рёбрам, грозясь остановиться. Лёгкие стремились вырваться из глотки с хриплым выдохом. Но мысли... Внутренний голос — грёбанный предатель — продолжал сверлить мозг, не желая заткнуться.

Осень началась с промозглого холода. Я ненавидела эту пору всеми фибрами души. Чернота цеплялась за небо мёртвой хваткой, и вязкий воздух напоминал болотную жижу. Ветер вгрызался в мокрую от пота кожу, заставляя мышцы непроизвольно сокращаться. Я сто раз пожалела о том, что не надела ветровку. Нет. Тысячу. Мой организм с самого рождения предпочитал тепло. Такой уж создала природа.

Задний двор академии вырос передо мной внезапно. Автобусы за поворотом сработали как стоп-кран, вынуждая замереть. Ноги налились огнём, тело согнулось пополам, и вчерашний ужин рванулся из желудка к горлу. Я всеми силами попыталась его остановить. Зажмурилась так сильно, что в темноте начали мелькать синие пятна. Сделала глубокий вдох через нос.

Вдох...

Выдох...

Тошнота медленно отступала, и я заставила себя выпрямиться. Перед глазами застыли тёмно-синие стены академии. Сапфировые фасады пятиэтажного здания напоминали особняк королевской семьи, — я видела такие только на картинках в книгах по истории. В нашем мире подобные средневековые постройки можно было пересчитать по пальцам. Они, словно живые свидетели, хранящие память о давно минувших временах, которые мы безвозвратно профукали, завораживали своей странной, древней красотой.

Живя в этих стенах, я не могла не задаваться вопросом: дом это или тюрьма для таких, как я? Кажется, академии сочетали в себе и то и другое. Общество не могло избавиться от нас — мы считались полезным ресурсом, поэтому оно терпело наше существование с нескрываемым презрением.

Анафемы. Человечество заклеило нас этим названием. Мы стали живым напоминанием о том, что люди, поддавшись порокам, возомнили себя богами, пытаясь играть со смертью и изменить мир. Что ж, мир они действительно изменили, только вот совсем не так, как того ожидали.

Подобных мне запирали в академиях на долгие годы, чтобы научить контролю. Здесь мы могли не бояться быть собой, но нельзя было забывать, что любой неверный шаг становился ошибкой ценой в жизнь.

Голова дёрнулась вправо сама собой. Глаза впились в белоснежную кладку. Светлый кусок стены три на три метра давно покрылся бурыми пятнами. Грязные, ржавые разводы ввелись в швы между кирпичами, словно застывшие слёзы. Когда я натыкалась на это осквернённое место, воздух в лёгких превращался в битое стекло, а пульс лупил по перепонкам, заглушая звуки вокруг.

Хотелось отвернуться, вышвырнуть этот образ из головы, но воспоминания уже накрывали волной. Выстрелы автоматов дробью ударили по вискам и сердцу. Желудок скрутило тугим узлом, желчь обожгла горло. События пятнадцатилетней давности мелькали в голове яркими и чёткими кадрами, как будто всё происходило прямо сейчас, в эту секунду.

«Отвернись!» — орал внутренний голос. — Немедленно отвернись!»

Но я не слушала его... не слышала. Его эхом заглушал грохот очередей.

— Рид! — Чужой окрик пробивался в моё сознание. — Кассиопея, мать твою!

Крепкие пальцы сжали мои плечи и трянули так сильно, что шейные позвонки болезненно хрустнули. Реальность обрушилась на меня вместе с этой тряской. Я медленно повернула голову к источнику шума, стараясь стереть все эмоции с лица.

Вильям Хейс. Кто бы сомневался. Только он мог быть настолько сумасшедшим, чтобы прикасаться к кровавому хамелеону голыми руками так неожиданно и небрежно.

— Я могла убить тебя, — голос прозвучал сухо, почти безжизненно.

— Ты научилась контролировать свою аберрацию спустя три месяца после того, как она проснулась в тебе. Рид, мне ли не знать об этом?

Он всегда называл силу этим словом. Стерильным, предназначенным для отчётов. Оно мне не нравилось, как бы идеально ни подходило к тому, что в нас сидело. Не дар и не проклятье, лишь ошибка, созданная людьми и изуродовавшая нашу ДНК.

— Яд мог выйти из-под контроля случайно, просто от испуга.

— От испуга, конечно. Можешь рассказывать эти байки другому дураку. — Хейс хрипло рассмеялся. Меня это не удивило.

Этот человек воевал, подрывался на минах не меньше семи раз. Только благодаря своей способности он остался жив. Смерть — его давняя подруга, которая устала за ним бегать. Он напоминал скалу, о которую годами разбивались штормовые волны. Широкие плечи, седина и этот цепкий, всё подмечающий взгляд выдавали в нём старого вояку, привыкшего, что его приказы выполняются без обсуждений.

Последние двадцать лет он тащил на себе академию, где учились анафемы. Бывший военный, владевший телекинезом, стал образцовым директором. Он решился на это, когда узнал, что этому месту грозит закрытие.

Академия имени Вильяма Хейса, именовавшаяся ранее «Золотым руном», была одной из тех многих коробок, что штамповали по всей планете для особенных детей.

К сожалению, ученики «Золотого руна» были выходцами из самых низов. На обеспечение учебного заведения просто не хватало денег. Нынешний директор, выпускник этой дыры, возглавил её в самый паршивый период.

Старик нашёл средства не только на содержание, но и на расширение здания. Где и как он их нашёл, оставалось только догадываться. И всё же молодые анафемы чувствовали себя в безопасности под его отеческим крылом. Он умел находить подход к каждому студенту и принимал под опеку всех, от кого брезгливо отворачивались другие.

Мы были сборищем бедняков, отбросов, бродяг, невоспитанных уродцев. Мы были никем, но Вильям считал иначе, внушая нам, что общество может засунуть своё мнение глубоко в задницу.

Хейс плевал на слова окружающих, плевал на то, что думают о нём и о нас. И его точно не заботило то, что его академия считается одной из худших во всём мире. «Адское местечко». Так люди называли нашу обитель. И они были чертовски правы.

— Что ты делала здесь в такую рань? — он спросил почти мягко, но улыбка сошла с его лица.

— Бегала. Говорят, бег помогает отвлечься.

— Бутылка односолодового виски справляется ничуть не хуже.

— Да, очень смешно, Хейс. Ты прекрасно знаешь, что алкоголь не для таких, как я. Зачем попусту переводить продукт?

— Хреново быть кровавым хамелеоном, да, Кассиопея?

— Даже идиоты знают ответ.

Он ненадолго замолчал, а затем перевёл взгляд на стену. Его губы слегка скривились, а брови сошлись на переносице. Я видела: он тоже не отпустил события того дня и не мог забыть их, даже если очень хотел.

— О чём ты думаешь, когда смотришь туда? — Хейс указал пальцем на кирпичи и посмотрел на меня.

— О том, какие из этих пятен — кровь моего отца, — не задумываясь, ответила я.

— У тебя всё ещё есть два года на то, чтобы передумать.

— Нет, я уже всё решила. Просто помоги мне, как и обещал.

— Тебя расстреляют так же, как и его, прямо у этой стены.

— Знаю, но я готова к этому.

— Сегодня начало учебного года. — Сменил тему Хейс. — Приведи себя в порядок и приходи ко мне. Я дам тебе список новичков. Выбери, для кого ты станешь наставником. И да, твои друзья уже здесь, ждут в твоей комнате.

Старик ушёл, оставив меня наедине с моими демонами. Некоторое время я просто смотрела ему в спину. Седина, идеально прямая осанка и эта характерная хромая походка — Вильям был одним из немногих, кого я действительно уважала. Он не просто заботился о нас. Он давал право на молчание, никогда не задавая лишних вопросов и заслуживая доверие подобно проповеднику.

Когда его фигура скрылась за поворотом, я подняла голову к большому круглому окну на чердаке. Отблеск скудных солнечных лучей от стекла заставил сощуриться, но тёмные силуэты в отражении не остались незамеченными.

В отличие от других детей, которые начинали обучение в академии в возрасте от девяти до одиннадцати лет, я поселилась здесь, когда мне едва стукнуло пять. Аберрация во мне ещё не проявилась, но все знали, что это неизбежно. Вильям переделал чердак в мою личную комнату, и вот уже пятнадцать лет жизни прошли под этой крышей. Иного я не знала и не помнила.

Четыре пары глаз буравили меня сверху. Даже с такого большого расстояния отчётливо выделялись ярко-красные волосы друзей. Таких же, как у меня. Даже среди прочих анафем мы отличались своей природой. Нашу шайку студенты называли стаей, а мы с гордостью сделали эту издёвку манифестом, связав тела, души и сердца. Превратились в отлаженный опасный механизм, который все обходили стороной.

Стоило друзьям понять, что я их заметила, как их руки взмыли вверх в едином жесте — четыре средних пальца, выставленные с безупречной синхронностью. Чёртовы засранцы.

Губы растянулись в широкую улыбку. Я ответила им тем же, не задумываясь ни на секунду. Я не видела их лиц, но нутром чувствовала: они скалятся, словно довольные псы, в предвкушении.

Ники махнул, призывая поторопиться. Я бегом пересекла широкий двор и пролетела все лестничные марши, перепрыгивая ступеньки, хотя ноги горели после часового марафона.

Три месяца разлуки с этими придурками заставили меня скучать по каждому из них. Они были не просто друзьями. Они — моя семья, моя стая.

Пальцы находились в миллиметре от дверной ручки, но резко замерли.

Как давно они в моей комнате? Видели ли мой ступор у стены?

Меньше всего мне хотелось, чтобы они копались в моих ранах. Мы знали друг друга как облупленных, видели насквозь, чувствовали любые изменения на каком-то интуитивном уровне. Я была не готова обсуждать с ними то, что случилось несколько минут назад.

Тряхнув головой, я попыталась выбросить ненужные мысли. Плевать. Стая не будет давить, если поймёт, что я не хочу об этом говорить.

Дверь тихонько скрипнула, и в лёгкие хлынул родной запах комнаты, наполненный травами и древесиной. Я раскрыла руки, готовая к объятиям.

ГЛАВА 2. НИК

— Она опять провалилась в тот день, — тихо произнесла Мари.

Её голос едва перекрывал свист ветра в щелях оконной рамы, когда мы наблюдали, как Касси вперилась в Белую стену.

— Да, — ответил я, хотя сестра и не спрашивала. Это было утверждение. Горькое и очевидное. — Столько лет прошло, а она всё ещё цепляется за это воспоминание.

— Ты говоришь так, будто такое можно забыть, — хмуро встрял Аксель.

Я знал, что нельзя. Но мне до боли в костях хотелось, чтобы Касси отпустила это. Горло сдавило от беспомощности — я жалел её, но помочь не мог. Никто из нас не мог.

Мы вчетвером застыли у большого круглого окна, прижавшись плечами друг к другу. Ждали, когда она наконец вынырнет из своего персонального ада и обратит на нас внимание.

Возвращение в академию и к Кассиопее Рид приносило долгожданный покой. С тех пор как мы попали сюда впервые, она служила маяком и якорем, была светом и тьмой, защитой и опорой. Эта дружба, начавшаяся десять лет назад, давно превратилась в сакральную связь, которую мы не собирались разрывать. Даже если бы мир вокруг начал рушиться. Впрочем, он и так походил на уродливую картинку.

Когда её змеиные глаза нашли нас, мы одновременно оголили зубы в довольной улыбке. Мы вновь чувствовали себя дома. Касси рванула с места, когда я жестом позвал её. Радовало, что эта фурия тоже скучала по нам.

— Мы поговорим с ней об этом? — спросила Ким, нервно теребя край рукава.

— О чём? — уточнил я.

— О её ступоре.

— Нет, — три голоса слились воедино. Резко, как выстрел.

— Хорошо, хорошо. — Ким вскинула ладони, мол, я поняла и сдаюсь.

— Сегодня начало учебного года. Хейсу нужно, чтобы она была в форме и выбрала себе подопечных. Давайте не будем забивать ей голову, — предложила Мари.

— Знаете, Хейс, по-моему, сумасшедший, — сказал Аксель. — Кровавые хамелеоны и так никому не нравятся, а он позволяет одной из нас обучать новеньких. И кому? Кассиопее Рид. На ней слишком большое клеймо. Старик играет с огнём.

— Касси не виновата в деяниях своего папаши, она была ребёнком. А Хейс... он просто... Да, он сумасшедший, но он свой. И ему плевать на ярлыки. Он считает, что мы не хуже тех, чья абера связана с воздухом или водой, или со всем прочим.

Я бы мог бесконечно продолжать спор с Акселем, но осёкся на полуслове, как только услышал скрип открывающейся двери.

Касси переступила порог комнаты и развела руки для объятий. Её вертикальные зрачки расширились, практически полностью закрывая оранжево-зелёную радужку. Я был уверен, что наши глаза изменились точно так же.

— Ники! — воскликнула она, а затем перевела взгляд на мою сестру. — Мари! Вы же моё дивное, прекрасное семейство! Аксель, Ким, три месяца разлуки охладили или, наоборот, сблизили вас?

— Она никогда не изменится, да? — улыбнулась Мари и первая бросилась в объятия подруги.

— Не смей прикасаться ко мне, пока не сходишь в душ, — усмехнулся я, стараясь скрыть, как сильно у меня самого чешутся руки обнять её. — От тебя за километр несёт. Сколько ты пробежала?

— Достаточно, чтобы заставить тебя воротить носом. Ну раз уж я тебе так противна...

Она сделала шаг в сторону ванной, но я не дал ей уйти. Перехватил за запястье и притянул к себе, поцеловав в мокрый лоб и уткнувшись носом в шею. Пульс всё ещё частил под её кожей после длительного забега. Запах пота меня не смущал, он давно стал родным, и Касси это прекрасно знала.

— Я безумно скучал, — признался я.

— Я тоже, — выдохнула она, расслабляясь.

Когда с приветствиями было покончено, Касси смыла с себя следы утреннего изнурения и рухнула на кровать. Старые пружины жалобно скрипнули. Вытащив из-под подушки чёрные перчатки и маску, она брезгливо посмотрела на них.

— Вот уж по этой дряни я точно не скучала, — пробурчала она, сминая ткань в кулаке. — Давайте, вы тоже напяливайте свои намордники и все за мной. Первый день, поприветствуем новичков.

— Как думаешь, в этом году будет хоть один кровавый? — спросила Мари с ноткой надежды.

— Не знаю, хотелось бы. — Взгляд Касси стал холодным и сосредоточенным. — За последние девять лет не было ни одного. Такое чувство, будто ты, Аксель и Ким стали последними. По правилам академии мы можем принять ещё троих.

— Двоих, — перебил я, проверяя крепления на маске. — Если новеньких будет меньше семидесяти, то — только двоих. Ты возьмёшь его под своё крыло, если он будет?

— Конечно, как и всех вас когда-то.

Иногда Рид говорила так, как будто была нашей воспитательницей, хотя ей только недавно исполнилось двадцать. Но я понимал: она имела на это право. Будучи моей ровесницей и всего на год старше Мари, Акселя и Ким, Касси действительно взяла на себя ответственность за нас, когда мы попали сюда. Даже для моего старшего брата, который выпустился в прошлом году, она оказалась кем-то вроде наставника. Человеком, который знает, как выживать, когда весь мир желает твоей смерти.

— Ладно, перчатки, маски — и шагом марш.

Командирша первая выскользнула из комнаты, и мы послушно последовали за ней, натягивая защитную экипировку. Запах плотной ткани мгновенно вытравил домашний уют.

Спустившись вниз, Касси забрала у Хейса анкеты новых учеников. Мы остались ждать её на площадке — небольшом промежутке между первым и вторым этажами, похожем на декоративный балкончик.

Я видел, как быстро она пробежала глазами по спискам. Ей приходилось делать это не первый год. Когда между её бровями пролегла знакомая морщинка, стало понятно, что кровавых хамелеонов в этом году можно не ждать.

Касси вернулась к нам и тяжело облокотилась на перила. Обзор с нашей позиции был идеальным. Свысока мы могли следить за учениками, которые прибывали в академию через широкий проём главного входа. Пока Хейс встречал всех внизу, Рид наблюдала за маленькими анафемами, словно ястреб за своей добычей.

Вдоль стены справа от директора стояли преподаватели, а слева — несколько старших ребят, которые, как и Касси, должны были выбрать себе подопечных. Они переминались с ноги на ногу в ожидании неизбежной участи.

Новеньких всегда привозили на час позже остальных. Пока текущие студенты разбирали вещи в своих комнатах, у детей было время осмотреться без толкучки.

— Сколько в этом году? — поинтересовался я, бесцеремонно выхватывая листы из рук подруги.

— Шестьдесят, — ответила она. — Ни одного кровавого. Пятьдесят стихийных, семь зелёных и три с телекинезом.

— Ты уже решила, кого возьмёшь?

Мы начали сверлить глазами дыру в Кассиопее, как будто от её ответа зависели жизни.

— Хватит пялиться, — сказала она, даже не повернувшись. — Вы же знаете, что я выберу, только когда увижу их.

Входная дверь тихонько скрипнула, и дети один за другим начали переступать порог нашей обители. Эти анафемы, в возрасте от девяти до одиннадцати лет, осматривали всё и всех вокруг с таким испугом, словно их привели на бойню. Несколько лет назад, находясь на их месте, мы испытывали такой же страх.

Хейс поприветствовал новоприбывших, познакомил их с преподавателями и указал на будущих наставников. Толпа несмело поздоровалась со всеми, но когда они подняли головы и увидели нас, то замерли, как загнанные овцы.

Я услышал, как Касси коротко хмыкнула справа от меня. В этом звуке не было злорадства, только привычный цинизм. Она знала, что так будет. Мы все знали. Среди всех аберраций, существовавших в мире, наша считалась самой опасной и редкой. Проклятой.

Только двое среди шестидесяти прибывших не выглядели напуганными до икоты. Один — пухлый пацан в цветном полосатом свитере, который явно был ему велик. Вторая — девочка, у которой правая рука отсутствовала по самый локоть. Они лишь мельком взглянули на нас и продолжили осматривать стены.

— Толстяк и однорукая, — негромко произнесла Рид, и я невольно улыбнулся.

— Ты всегда берёшь самых безнадёжных, — заметила Мари.

— Их всё равно никто не возьмёт. К тому же они не безнадёжны: нужно просто правильно обучить. Мальчишка управляет огнём, а девочка — телекинетик.

— Почему ты никогда не берёшь зелёных? — спросил Аксель.

— Не люблю их. Они похожи на нас, но в них нет стержня. Слишком часто пытаются утаить свою природу. Посмотри на них. — Касси жестом указала на нескольких детей. — Они прячут взгляд за линзами, а волосы окрашивают в естественные цвета, чтобы не отсвечивать на общем фоне.

Я вгляделся в толпу. У некоторых корни волос отливали предательской зеленцой, которую они пытались замазать дешёвой краской, а в глазах поблёскивали тонкие линзы. Зелёные хамелеоны считались самыми безобидными среди анафем. На них практически не обращали внимания, и когда они скрывали свою истинную суть, их нельзя было отличить от обычных людей или анафем с иной аберрацией. Мы же физически не могли замаскироваться. Никакая искусственная радужка не могла перекрыть ядовитую яркость наших глаз, и ни один пигмент не брал алые волосы. Не знаю, почему. Словно собственное естество бунтовало, отказываясь прятаться под лживой маской.

Аксель повернулся к подруге и задал опасный вопрос:

— Что тебя злит больше: то, что они хотят быть как все, или то, что они, в отличие от нас, могут ими быть?

Она лишь фыркнула и направилась вниз по лестнице к детям и остальным наставникам. Я взглянул на Акселя, качая головой, и поплёлся следом за ней. Мне всегда нравилось, как Касси приветствует малявок. Её истории не покрывались доброй вуалью. Они были честными, хоть и пугающими.

— Ты же знаешь, что я всё равно люблю тебя, — крикнул друг ей в спину.

— Я тебя тоже, — ответила Кас.

В этих коротких фразах тепла ощущалось больше, чем во всём холодном холле.

ГЛАВА 3. КАССИОПЕЯ

Я быстро сбежала по ступенькам и передала Хейсу анкеты. Холодная бумага зашелестела под грубыми мужскими пальцами.

— Удиви меня, Рид.

— По-моему, всё очевидно.

Старик посмотрел куда-то мне за плечо. Я обернулась. Ник замер прямо за моей спиной, словно личный охранник. Маска скрывала половину его лица, но по морщинкам, собравшимся в уголках глаз, я поняла, что он ухмыляется.

— Толстяк и однорукая? — Вильям вопросительно глянул на Ника, и тот кивнул.

Глубоко вздохнув, директор пожал плечами. Его, как и моих друзей, не удивлял этот выбор. Они были правы. Я тянула к себе безнадежных, чтобы доказать остальным, что даже «бракованный» материал чего-то стоит.

Оставив Хейса, я направилась к новичкам. Остальные наставники уже кружили вокруг них. Завидев наше приближение, дети зашептались.

— Как думаешь, они раньше видели кровавых? — тихо спросил Ник.

— Такого отбитого, как ты, точно нет. Не мог надеть другую маску?

— А что с этой не так?

— Ты идёшь к малолеткам с факом на лице, Ник.

— Подумаешь, всего лишь рисунок. Я уверен, они видели и похуже.

Старшекурсники сделали несколько шагов назад, неосознанно освобождая нам пространство. Мы прекрасно контролировали аберу, носили маски и плотные перчатки, чтобы окружающие чувствовали себя в безопасности. Но в кровавых всё равно видели ходячую угрозу.

Я еле сдержалась, чтобы не закатить глаза. Эти люди знали меня не первый год, многие даже обращались за помощью, но они упрямо сторонились нашей маленькой стаи. Словно мы могли впрыснуть яд им под кожу силой мысли.

— Рид, Янг, — поприветствовал один из студентов. — Хотите провести экскурсию нашим новичкам?

— Нет, — ответила я, указывая пальцем на толстяка и однорукую. — Просто пришла сказать, что этих двоих я беру под своё наставничество.

— Да пожалуйста.

— Отлично. Навещу их позже, когда их разместят по комнатам.

Я уже собиралась уходить, но Ник схватил меня за локоть и остановил.

— Да ладно тебе, Кас. Давай проведём экскурсию этим малявкам, ну пожалуйста.

Хотелось бы назвать его взгляд щенячьим, но, честно говоря, эти аметистовые глаза с узкими вертикальными зрачками больше походили на окуляры хитрого ящера.

— Николас Янг, не смей злить меня.

Друг молча продолжал испытывать моё терпение. Он был всего на полголовы выше, но, когда вот так смотрел сверху вниз, я физически ощущала себя крохотной.

— Ладно, — сдалась я. — В последний раз.

Я махнула старшим, давая знак расходиться. Клянусь: я слышала, с каким облегчением они выпускают воздух из лёгких. Никто не любил возиться с молодняком. Почему это так нравилось Нику — для меня всегда было загадкой.

— Дети, все за мной!

Шестьдесят человек покорно потащились следом, словно тени. Я терпеливо водила их по коридорам, чеканя историю этого места. Новички слушали со жгучим любопытством, которое

скоро сменится усталостью. На пятом этаже я показала им комнаты — тесные коробки, которые станут их домом, как только они усвоят главные правила.

Ученики проводили в этих стенах почти десять месяцев в году. Некоторые, такие как я, не покидали академию даже во время летних каникул и жили в ней вплоть до самого выпуска. Учёба длилась двенадцать лет, вне зависимости от того, в каком возрасте просыпалась аберрация. У всей моей стаи сила появилась, когда нам исполнилось десять. А вот старший брат Мари и Ника попал в академию в девятилетнем возрасте.

Спустя час мы привели детей в общую гостиную, и они расселись на полу, продолжая впитывать мои рассказы. Ник расположился за ними. Опираясь плечом на дверной косяк и скрестив руки на груди, он слушал меня с не меньшим интересом. И пусть я всё ещё не видела половины его лица, я знала: этот гадёныш ухмыляется. Бесячий сукин сын упивался своей маленькой победой. Он бывал серьёзным только во время тренировок, да и то крайне редко.

— В академии имени Вильяма Хейса тысяча мест. На данный момент занято семьсот девяносто, — сухо произнесла я. — Если вы вдруг надумаете бежать, то знайте: у вас ничего не получится. Каждое ваше движение отслеживается. Побег считается противозаконным и влечёт за собой наказание.

— Простите, но как нас отслеживают? — спросил один из новичков.

Мои брови взлетели от удивления. Неужели они действительно настолько наивны? Я бросила короткий взгляд на друга, надеясь на поддержку, но он лишь издевательски развёл руками.

— Вам же делали укол перед тем, как привезти сюда? — уточнила я.

Они могли не отвечать: я прекрасно видела характерные следы от игл на их шеях. Некоторые дети поморщились и коснулись пальцами повреждённой кожи. Я и сама помнила ту острую, до безумия болезненную процедуру. Она не забывается.

— Вам вживили чипы. Теперь за вами будут следить. Всегда.

— Их можно вытащить?

— Нет. С помощью технологий чипы вживляют таким образом, что при попытке избавиться от них вы убьёте себя, разорвав сонные артерии и вены. Даже не думайте об этом. Вам должны были рассказать об этом перед процедурой.

— Нам сказали, что на все вопросы ответят в академии, — пролепетал кто-то.

— Как интересно. Но вы хотя бы знаете, почему оказались здесь?

— Потому что мы другие.

— Да, верно. Вы — анафемы. А знаете, почему?

Дети замолчали. Некоторые понуро опустили головы. Наверное, они ждали, что я начну смеяться над ними или презирать. Но единственное чувство, которое я испытывала к ним, — жалость. Их отправили сюда как прокажённых, хотя они ни в чём не виноваты. По крайней мере для меня. Не наша вина, что мы родились иными.

Я сделала глубокий вдох и, немного подумав, сняла маску. Дети замерли. Десятки глаз уставились на меня с таким ужасом, будто я вестник смерти. Страх передо мной оказался гораздо сильнее, чем перед их собственной новой силой.

— Расслабьтесь, я вас не убью. Моя абера, так же, как и ваша, контролируется. Вы знаете, когда появились первые анафемы?

— Триста пятьдесят лет назад, — ответил толстяк.

— Верно, — кивнула я. — В две тысячи пятьсот семьдесят пятом году учёные корпели над вирусом, который должен был стать панацеей от всех болезней и подарить людям долгую жизнь. Тысячи светил науки и инженеров в огромной лаборатории верили, что спасают мир. Но когда был совершён первый прорыв, случилась катастрофа. Здание взлетело на воздух, хороня всё и всех заживо под обломками. Созданный вирус распространился по всей планете, и спустя несколько лет после этого инцидента у некоторых детей в возрасте от девяти до одиннадцати

лет стала проявляться сила, которую называли аберрацией, а носителей прозвали анафемами. Знаете, какие способности появились изначально?

— Стихийные, — несмело ответили несколько новичков.

— Да. Они могли управлять одной из четырёх стихий: землёй, водой, огнём или воздухом. Чуть позже появились телекинетики. Ещё через пару лет возникли те, кого стали называть хамелеонами. Чтобы дети не вредили себе и окружающим, по всему миру построили специальные академии. В них учат контролю над силой, а после выпуска помогают найти работу, где можно применять свои способности во благо человечества.

Последние слова я произнесла с едва уловимой горечью и насмешкой. От Ника это не ускользнуло.

— Простите, мисс, почему вы обобщили хамелеонов? Разве конкретно ваш вид не возник последним?

Я не ожидала, что дети решатся заваливать меня такими вопросами. Внимательно осмотрев толпу, я выискивала маленькую зазнайку. Ею оказалась моя новая подопечная. Видимо, толстяк и однорукая решили устроить мне боевое крещение. Большинство реплик доносилось именно от них. Никогда прежде я не видела такого жгучего любопытства. В душе я даже порадовалась, что выбрала именно их.

Таких как я называли кровавыми не просто так. Мне не хотелось рассказывать детям нашу историю, но Ник, почувствовав заминку, подтолкнул меня к краю. Он стянул маску, чтобы я видела его губы и почти шёпотом произнёс:

— Расскажи им.

Я вновь сдалась. Ему невозможно было противостоять.

— Да, ты права. Существуют два вида хамелеонов: зелёные и красные. Или, как привыкли называть нас в народе, кровавые. Хамелеоны с самого рождения отличаются от остальных. Абберрация, как и у всех, проявляется лет в девять, десять или одиннадцать, но внешность выдаёт уже в младенчестве. Первыми на свет стали появляться зелёные. Глаза у них почти как у ящериц, змей или кошек. Есть белок, но радужка серого или оливкового цвета, а зрачок вертикальный. Он может расширяться и становиться круглым при тусклом освещении или от определённых эмоций, и тогда практически не отличается от обычного. А волосы у них часто светлые, но с лёгким травянистым оттенком. Отсюда и название. А хамелеоны — потому что...

— Из-за способности сливаться с окружающей средой! Все это знают, — перебил меня толстяк, сияя от собственной догадливости. — Хамелеоны могут становиться невидимками.

— Может, и про кровавых расскажешь, умник?

Никогда не любила, когда меня перебивали. Пацан виновато мотнул головой, и я продолжила:

— Красные появились немного позже и завершили проявление вируса. Анафем с иными силами больше не рождалось. У кровавых, в отличие от зелёных, более броская внешность: рубиновые волосы и яркие, разноцветные глаза. Помимо мимикрии наш организм вырабатывает яд, который мы можем пустить через кожу, слюну или кровь. Мы учимся контролировать его, но для всеобщего спокойствия носим маску и перчатки.

— Это правда, что кровавых хамелеонов на планете меньше всего?

— Правда, — ответила я и подошла к небольшой доске.

Очистив белую поверхность от чьих-то каракуль, я взяла в руки маркер и стала выписывать числа. Скрип маркера по пластику в гробовой тишине звучал как приговор.

— Кто-нибудь из ваших родителей является анафемой? Вы слишком мало знаете.

— Мы почти все из детских домов, — ответил толстяк. — Там нам бросали лишь жалкие крупички информации.

— Тогда всё ясно. Ну что ж, вот вам маленький вводный урок со статистикой. В нашем мире живёт примерно шесть миллиардов человек. Знаете, сколько из них владеет силой? Всего

около трёхсот пятидесяти миллионов. Ничтожно мало. Восемьдесят процентов этих анафем — стихийники, ещё тринадцать — телекинетики, шесть — зелёные хамелеоны, а оставшийся один процент — кровавые.

— Как работают наши силы? — подал голос мальчик в первом ряду. — Могу ли я создавать огонь из пустоты?

— Нет. Если ты стихийник, то можешь управлять только тем, что находится под рукой. В комнате, где нет ни воды, ни огня, способность бесполезна. Поэтому научитесь носить с собой то, что поможет вам: зажигалку, флягу с водой, горсть земли, если уж на то пошло, или даже просто маленький камень. Здесь только воздушникам повезло. Их оружие буквально витает вокруг них.

— А это правда, что хамелеоны могут отрастить себе конечность, если потеряют её? — спросила одна из девочек-зелёных.

— Нет. Хамелеоны быстро регенерируют, но если отрубят руку или ногу, новая не отрастёт. Так что не советую экспериментировать. Не думайте, что вы супергерои из комиксов. Мы такие же люди, просто усовершенствованные. У анафем идеальный иммунитет, мы никогда не боеем, но мы не бессмертны. И жизнь наша столь же скоротечна.

— Наши силы — это дар или проклятье?

Я замерла, глядя на ребёнка, задавшего этот вопрос, который прозвучал слишком громко и повис в воздухе. Прочистив горло, я всё же решилась ответить:

— Каждый сам решает, что это. То, как обычные люди называют нас, ясно даёт понять их отношение. Но если хотите научиться жить с этим, то принимайте силу как дар. У вас есть ещё вопросы?

— Нет.

— Вот и славно. Тогда можете расходиться по комнатам и осваиваться. Ваши наставники заглянут позже и более подробно расскажут о занятиях.

Ник подошёл ко мне, прижавшись плечом. Мы молча наблюдали, как дети покидают гостиную и разбредаются по спальням. Когда последний новичок скрылся из виду и мы остались одни, он негромко спросил:

— Почему ты не рассказала им историю полностью?

— Зачем? Они дети, через пару лет им всё расскажут на уроках.

— Им скажут, что нас называют кровавыми из-за способности, из-за смертельного яда в организме, но это враньё.

— Знаю, но зачем пугать их правдой? Я не хотела говорить им, что мы получили своё название из-за того, что долгие годы детей с такой силой истребляли, потому что боялись. Не хотела, чтобы они жалели нас.

— По-твоему, пусть лучше продолжают бояться?

— По-моему, для нас так веселее.

Ник хмыкнул и легонько толкнул меня.

Детский мозг не готов к человеческой жестокости. Ни в одной официальной книге по истории не писали правду о кровавых хамелеонах. Её вымарывали десятилетиями, стыдясь самого ужасного греха. Но в старых, запрещённых экземплярах, которые хранились под замком, информация всё же сохранилась.

Аберрация кровавого хамелеона всегда считалась самой редкой и опасной. Когда эта сила проявилась впервые, сотни людей погибли просто потому, что напуганные дети не могли контролировать её.

Мы рождались с кричащей внешностью. В дикой природе ядовитые твари тоже имеют яркий окрас — природа честна в своих предупреждениях. Наше естество с самого рождения вопило каждому встречному: «Я опасен! Я ядовит! Не подходи ко мне, не трогай меня!»

Когда люди осознали мощь красноволосых анафем, началась охота. Нас стали убивать. И только сто лет назад истребление остановили. Нашлись те, кто сообразил, как можно использовать нас. Из зелёных выходили эффективные шпионы, из нас же получались первоклассные наёмники и телохранители. Никто не подойдёт к человеку близко, если в его окружении есть кровавый.

Уникальная природа нашего яда не позволяла его вычислить. Мы могли убить, но вскрытие не показывало никаких следов преступления. Всё выглядело как обычная остановка сердца — тихо, чисто и пугающе естественно.

А ещё благодаря яду в венах нас самих нельзя было отравить. Ни один токсин не действовал на организм: мы не пьянели от алкоголя, никотин от сигарет не задерживался в крови. Но мы не могли похвастаться долгой жизнью. Наше смертоносное оружие медленно выжигало своих носителей изнутри. Кровавые редко доживали до пятидесяти. Мы напоминали бомбы замедленного действия, чей таймер запустился ещё в колыбели.

— Эй, сыграем в покер сегодня? — резко сменил тему Ник, вырывая меня из вязких раздумий.

— Сегодня не суббота.

— Плевать, сыграем своим кругом, просто для разминки.

— Ладно, — устало ответила я. — Встретимся вечером в моей комнате. Мне нужно ещё раз заглянуть к толстяку и однорукой.

— Боже, Касси, у них же есть имена.

Друг закатил глаза, но в его голосе слышалась привычная теплота.

— Я знаю, — отрезала я, уже разворачиваясь к выходу. — Но пусть не расслабляются. Мир жесток.

И мы были одним из главных доказательств этому.

ГЛАВА 4. МАРИ

Я, Аксель и Ким молча наблюдали, как мой брат уламывает Касси провести экскурсию для новичков. Воздух в холле казался тяжёлым. Он пропитался запахом дешёвого моющего средства и страхом, исходящим от толпящихся у входа детей.

Во многих вопросах фурия была строга, иногда жестока. Из-за вспыльчивого нрава она часто влипала в неприятности. Её сторонились больше, чем нас, и даже мы временами побаивались подругу. Но не Ник.

Мой старший брат всегда находил способ усмирить Касси. Умел мягко, но уверенно прогнуть её под себя. Не знаю, как ему удавалось это. Может, это потому, что он знал её на год дольше, чем мы. Или из-за того, что когда-то она встречалась с Кэмом. Ники ничуть не уступал Кас в безумии и всегда подписывался на её дикие авантюры, только обладал более покладистым характером.

— Как думаете, что она будет рассказывать этим малявкам? — спросил Аксель, кивая в сторону зажатых первокурсников.

— То же, что и рассказывали нам в их возрасте, — ответила Ким. — Посмотрите на них: они напуганы, они плохо понимают, что с ними произошло. Главная задача академий — дать детям почувствовать, что их может ждать светлое будущее.

— Светлое будущее, как же, — пробурчал Аксель. — Мы все просто полезный ресурс, не больше. Через несколько лет они поймут это на собственной шкуре.

Змеиные зрачки Акселя сузились в тонкие чёрные иглы, оголяя ядовито-золотистую радужку глаз. Вены на руках вздулись под кожей, и широкие плечи застыли, словно каменные глыбы. Он буквально вибрировал от подавленной ярости. Мы понимали каждое его чувство, потому что сами жили с этой болью внутри.

Анафемы находились под прицелом правительства и всего общества. Выбор профессии — иллюзия, красивая ширма. Чаще всего нам доставалась грязная работа. Верхом удачи считалось попасть на службу к элите. Особенно к кому-то из «Чёртовой дюжины». Тринадцать богатейших семей этого мира сколотили состояние благодаря своим предкам, которые додумались, как можно использовать аберрации. Мы зазубрили их имена так же крепко, как истовый проповедник знает молитву.

Моему старшему брату Кэму удалось заполучить работу в одной из этих семей. Для выпускника такой дыры, как наша академия, это считалось сродни чуду. До Кэма мы знали лишь одного человека, служившего «Чёртовой дюжине», — отца Касси. И как бы люди ни твердили о достоинствах этой работы, мы считали это сомнительной удачей. Вкус этой «победы» всегда отдавал привкусом крови и гари.

Всю жизнь анафемы следовали строгим правилам. Слова Акселя сквозили горькой правдой: мы — полезный ресурс, пушечное мясо, которое не жалё.

Ким крепче сжала массивную ладонь, успокаивая его, и напряжение в теле парня спало. Он притянул её к себе, стянул маску вниз к подбородку и коснулся губами её виска. Я улыбнулась, смотря на них, но радость быстро сменилась горечью.

— Что вы будете делать после академии? — спросила я, и собственный голос показался мне слишком сухим. — Вы же знаете, что не сможете быть вместе.

Аксель злобно фыркнул в ответ на мои слова. Взгляд Ким потух. Она на мгновение отвернулась и инстинктивно сжала кулаки.

— Несправедливо, что для кровавых хамелеонов правила жёстче, чем для других, — прошептала подруга. — Твоим родителям повезло, Мари, они смогли быть вместе.

— Повезло ли? — едва слышно отозвалась я, пожав плечами.

Аберрация перестраивала ДНК ребёнка, но происходило это лишь в момент пробуждения сил. Невозможно заранее предсказать, кто окажется очередной анафемой — очередной ошибкой и изгоем. Хамелеоны стали исключением из правил. Зелёные никого не пугали своими способностями, а вот от кровавых желали избавиться.

Сразу после отмены истребления кровавых правительство решило, что такие как мы не должны размножаться. Нам официально запретили браки, а чтобы мы ненароком не обзавелись потомством, нас, грубо говоря, кастрировали в раннем возрасте. Я до сих пор помню этот стерильный запах лазарета и белый свет ламп, от которого слезились глаза. Никогда не забуду. Нам оставили лишь возможность получать удовольствие от секса. Не знаю, чем это было: ноткой жалости или самым изощрённым издевательством над нашим видом. Мол, смотрите, ваша жизнь почти не отличается от обычной, но семья вам никогда не светит. Подарок в красивой обёртке и с пустотой внутри.

Мир надеялся излечиться от нас. Почему-то все посчитали: стоит перерезать нить производства, и мы исчезнем. Но люди ошиблись. Кровавые появлялись на свет точно так же, как и другие анафемы, вне зависимости от того, кем были их родители. Но мы не могли жаловаться. Нам повезло застать время, когда жизнь в принципе была дозволена.

И всё же правительство решило провести эксперимент, чтобы доказать миру: их позиция по поводу нашей кастрации и запрета на семьи обоснована. Десятки наших собратьев смогли избежать страшной судьбы, но стали подопытными кроликами. Их разбили на пары, позволяя создать ячейки общества. Все дети таких пар оказались анафемами нашего вида. Кровавый хамелеон всегда порождает себе подобного. С другими аберрациями такого эффекта не было. У стихийников, телекинетиков и зелёных мог родиться обычный ребёнок или с силой, отличной от родительской. Им всем разрешалось иметь подобие нормальной жизни. Они могли заключать браки, заводить потомство. Кровавым же вынесли окончательный приговор. Да, наша порода не исчезла. Мы всё равно появлялись на свет, но нас могло быть в тысячи раз больше, если бы не запрет.

Мои родители вошли в число последних, вслед за которыми эксперимент свернули. И им повезло только в одном — в искренней, взаимной любви. За двадцать лет брака они успели дать жизнь пяти детям. Первыми родились девочки-близняшки. Они погибли спустя три года после выпуска из академии, сгорев в огне на одной из военных миссий. Вторым появился Кэм, следом — Ник, а через год после него — я.

Родители ушли пять лет назад, не дожив до сорока. Собственный яд в организме сожрал их. Статус экспериментальных детей позволил нам выбирать академии, в которых мы могли учиться. Старшие сёстры отправились в одно из элитных учреждений. Их нехотя приняли туда, сквозь зубы, и за всю историю той школы они остались единственными кровавыми хамелеонами, допущенными к занятиям. Многие отказывались впускать в свои стены наш вид. Кэм, Ник и я выбрали академию, где когда-то набивали шишки родители.

Семья долго отговаривала нас от этой затеи. Времена их обучения выдались по-настоящему чёрными. Но мы попали сюда, когда пост директора занимал Вильям Хейс. В отличие от многих людей, он не поддавался предрассудкам. Под его руководством мы чувствовали нечто похожее на безопасность.

Хейс опекал Касси с её пятилетия. Мы не знали деталей, но, по слухам, Вильям считался близким другом её отца. В любом случае жаловаться мы не могли. Мы знали, что наша адская академия, хоть и слыла одной из худших, оставалась лучшим местом для таких как мы.

Вильям бы с радостью приютил всех анафем нашего вида, но даже он не мог идти против системы. По закону в академии мог учиться только один кровавый на сто остальных учеников.

— Пока мы здесь, плевать на правила и законы, — прохрипел Аксель, ковыряя зазубрину на деревянных перилах. — Посмотри на своего брата. Он переспал с половиной старшекурсниц.

— Ему повезло, что Хейсу плевать на наши забавы, — сказала я, закатив глаза. — Главное, чтобы мы никому не причинили вреда.

— Никого не пришили, если быть точнее, — приснула Ким. — Ник часто проводит время с Касси, как думаешь, они спят?

— Точно нет, я бы знала. Он не стал бы подкатывать к ней, она же была с Кэмом.

— Ну и что? Вашего старшего братца тут больше нет, дорога свободна, — хохотнул друг.

— Гадость! — скривилась я. — Касси для меня и Ника как сестра, ни больше ни меньше!

— Да что ты. Для тебя, возможно. Но он точно не смотрит на неё как на сестру. У них странная связь. Они слишком многое позволяют друг другу.

Я почувствовала, как мои щёки заливают жар от злости, и Аксель заметил это.

— Ладно, ладно, успокойся, малышка Мари, я просто шучу. — Он положил руку мне на голову, небрежно потрепав волосы.

Хотелось отвесить ему подзатыльник, но разница в росте не позволяла дотянуться до этого громилы. Ким, которая на голову переросла меня, схватила Акселя за отросшие алые пряди, оттягивая его назад.

— Хватит издеваться над ней, Вульф, — строго отрезала она. — Может, мы уже пойдём и разберём наши вещи? Нечего стоять тут как идиоты. Ник сказал, что хочет сыграть вечером в покер.

— А Касси знает об этом? Сегодня не суббота.

— Да ладно, Мари, ты же знаешь, Ник её уболтает.

ГЛАВА 5. КАССИОПЕЯ

Мы резались в покер почти до самого утра. Поспав всего пару часов, я с трудом оторвала голову от подушки. Похлопав себя по щекам, я попыталась выбить остатки липкого сна и взбодриться. Угораздило же столько просидеть, но хорошие карты сами шли в руки. Грех упускать победу.

Аксель и Ким ушли рано. Им не терпелось побыть друг с другом наедине после летних каникул. А вот Мари и Ник так и остались в моей комнате. Друг уснул прямо на полу, а Мари тихо сопела рядом на соседней подушке.

Спальни в академии рассчитывались на четырёх студентов, но Хейс выделил две отдельные комнаты для кровавых хамелеонов. В одной из них обосновались парни, в другой — девушки. Привыкшая жить на чердаке с самого детства, я так и не переместилась к подругам.

Аксель и Ким начали встречаться три года назад. Спустя год отношений они перешли на новый уровень и частенько занимали одну из спален. Мы принимали это с пониманием. Ник и Мари ночевали вместе, а Кэм — у меня. Но после того, как он выпустился, семейство Янгов почти не вылезало из моей обители. Я не возражала. Одиночество — опасная роскошь.

Аккуратно встав с кровати, я натянула на себя джинсы и футболку. Окинув взглядом спящую подругу, я невольно улыбнулась. Она напоминала миниатюрную куклу. Я легко могла поднять её. Стрижка под каре делала её черты похожими на лицо ребёнка. Даже цвет золотисто-лиловых глаз выглядел слишком милым. Но только до тех пор, пока зрачки не сужались в опасную тонкую вертикальную нить. В такие моменты мы все знали, что к ней лучше не соваться.

Директор позаботился о том, чтобы мы получали не только знания в его академии, но и реальный боевой опыт. Иногда он выжимал из студентов все соки, но оно того стоило. Чтобы наше будущее имело перспективы, нам следовало стать не только умными, но и смертоносными.

Мари, несмотря на свой маленький рост, ловко управлялась с ножами. Ник и я превосходно орудовали боевым шестом и любили рукопашный бой. Аксель и Ким предпочитали огнестрел и сюрикены.

Затолкав перчатки и маску в карман, я направилась к двери. Мне следовало показать моим новым подопечным псарню и тренировочные залы, а заодно понять, на каком уровне они владеют аберой.

Проходя мимо спящего Ника, я почувствовала, как его пальцы мёртвой хваткой смыкаются на моей щиколотке. Пол качнулся перед глазами. Потеряв равновесие, я рухнула вниз, и даже ковёр не смягчил падения.

— Какого... — выругалась я себе под нос и повернула голову, смерив друга грозным взглядом.

Ник наблюдал за мной, растянув губы в довольной улыбке. В этот момент он напоминал кота, которого досыта покормили. Только веяло от него не расслабленностью, а чистой наглостью.

— Николас Янг, что ты творишь?!

— Ты всегда называешь меня полным именем, когда злишься. Куда ты так торопишься? Занятия только через полтора часа.

— У меня, в отличие от тебя, есть дела.

— Идёшь к своим птенцам?

Я не удостоила его ответом. Поднялась с пола и посмотрела на Мари, боясь, что шум разбудил её. Ник проследил за моим взглядом и понимающе прищурился.

— Успокойся. Ты же знаешь, она спит как убитая.

— Тебе придётся разбудить её через час. Встретимся в аудитории.

Поправив футболку, я вышла за дверь и направилась к комнатам новичков. Первым я забрала мальчишку. Он спал, словно поросёнок, пуская слюни прямо на подушку. Даже очки не снял. Дужка впилась ему в переносицу, оставив красный след. Не понимаю, зачем он их носил. Со зрением у него не могло быть проблем. Может, чтобы глаза не выглядели слишком маленькими на круглой физиономии? Я небрежно толкнула его коленкой в бок, и он лениво поднял веки.

— Вставай, толстяк, и иди за мной.

Не дожидаясь реакции, я вышла в коридор. Мальцу потребовалось меньше пяти минут на сборы. Страх отлично заменяет будильник. Он молча следовал за мной до женского крыла, но когда мы забрали однурукую, паренёк наконец-то осмелел и заговорил.

— Куда мы идём? — пискнул новичок.

— Покажу вам пару мест.

Выйдя на улицу, я повела детей на задний двор. Утренний воздух кольнул нос сыростью и быстро выветрил остатки сонливости. За зданием академии, в самом конце территории, стояла приземистая постройка, похожая на амбар.

— Что там? — спросила девочка.

— Скоро узнаешь.

Мы шли в полной тишине, пока не подошли к зданию вплотную. Яростный собачий лай тут же ударил по ушам, заставив детей вздрогнуть. Псы почуяли приближение двуногих. Новички замерли, но, увидев, что я не останавливаюсь, продолжили несмело идти за мной.

— Это псарня, — пояснила я, бросив слова через плечо. — Здесь держат собак, которых дрессируют работать в команде с анафемами. Когда вы подрастёте, сможете выбрать себе щенка и обучать его взаимодействию с вами.

— Зачем? — в один голос выдохнули дети.

— Большинство, выпустившись из академии, идёт на службу. Военные часто используют псов, но животные опасаются работать с тем, чего не понимают. Поэтому мы готовим их. Когда обученная собака оказывается на поле боя, её не отвлекают и не пугают наши способности. Богатые семьи тоже регулярно выкупают этих псов, особенно если у них на службе анафемы.

Окинув взглядом доски с потрескавшейся краской, я вспомнила о том, как пришибла палец, пытаясь вбить гвоздь в проклятые деревяшки. Хейс построил псарню десять лет назад. Его деньги, вложенные в учебное заведение, имели предел. Чтобы иметь хоть какие-то средства на содержание здания, он придумал план. Вильям оказался хорошим стратегом: он не прогадал. Военные щедро платили за псов и с удовольствием вкладывались в нас ради них. Богатеи тоже мечтали заполучить таких охранников, поэтому иногда мы получали выплаты и от них. Псарня в буквальном смысле держала академию на плаву.

— Хотите посмотреть на собак? Они вас не укусят.

Откинув тяжёлый засов, я прошла внутрь, и малышня последовала за мной. Звонкий лай эхом ricochetил от стен. Возбуждённые нашим приходом псы метались по клеткам из стороны в сторону, радостно виляя хвостами.

Я направилась в самый конец псарни, где в одном из вольеров сидели три добермана. Я открыла засов, выпуская их наружу. Горячая и гладкая шерсть коснулась кожи. Они быстро лизнули мои пальцы, обдавая их влажным теплом, и принялись обнюхивать незнакомцев.

— Это Зевс, — сказала я, указывая на белоснежного пса. А затем перевела руку на шоколадного. — Это Посейдон, а этот чёрный чёрт — Аид. Они, прямо как и вы, мои подопечные.

— Их тоже купят военные? — спросила однурукая, вытирая слюни Посейдона со своего лица. Из всей троицы он был самым любвеобильным.

— Нет, доберманов покупает элита. Они идеально вписываются в их интерьеры. Всех троих возьмёт одна семья. Я скептически отношусь к богатым, но эти люди вроде приличные.

— Когда их заберут?

— Через пару месяцев. Им как раз исполнится год.

— Будешь скучать по ним?

Неожиданный вопрос застал врасплох. Обучать собак я начала в четырнадцать лет. С первыми я расставалась со слезами на глазах, но постепенно научилась не привязываться к ним. Зевс, Аид и Посейдон стали особенными. Не хотелось отдавать их, тем более в плохие руки. Вильям лично разрешил мне пообщаться со всеми, кто положил глаз на этих красавцев. Осознание того, что о троице позаботятся как следует, грело душу, хоть и не сильно.

— Да, — честно ответила я. — Эти ребята много значат для меня.

Детям понравилась псарня, они чесали псов за ушами и помогли накормить их. Впервые со вчерашнего дня новички выглядели расслабленными.

После псарни я отвела подопечных обратно в академию, в один из тренажёрных залов.

В академии спроектировали два помещения для обучения боевым искусствам. Один из залов поражал размерами. В нём свободно умещалась половина всех учащихся. Второй — в три раза меньше, но оснащён по последнему слову техники. Стены возвели из пуленепробиваемого стекла толщиной в десять сантиметров. Внутри хранилось современное оружие и были интегрированы новейшие технологии, если их вообще можно было назвать таковыми.

Ещё за сотни лет до того, как лаборатория взорвалась, выпустив на планету вирус, в мире начал твориться хаос. Делёжка земель и ресурсов привела к непоправимым последствиям. Появление анафем ситуацию не улучшило. Станным образом человечество откатилось на тысячелетие назад, застряв в эпохе какого-то Дикого Запада, но сохранив при этом самые смертоносные достижения прогресса.

Границы стран стёрлись, а на их руинах воцарилось право сильного. Мир выглядел так, как будто две абсолютно разные временные эпохи столкнулись друг с другом лбами, породив нечто несуразное и уродливое, но слишком привычное для нас.

Наука практически стояла на месте. Может быть, поэтому появившиеся аберрации никто не мог изучить как следует. Зато на создание крутых игрушек для военных денег не жалели. Борьба за власть и территорию во все времена оставалась излюбленной забавой человечества. Но какое бы оружие ни создавалось, оно не могло сравниться с нами — анафемами, в чьих жилах текла буйствующая сила.

Большой зал в академии использовался для общих занятий, в малый же приходили для индивидуальных тренировок. Каждое посещение отмечали в электронном журнале, чтобы в случае чего знать, с кого спрашивать. До лекций оставалось ещё сорок минут, поэтому я привела одиннадцатилеток туда, где больше свободного места.

— Мне нужно проверить, на что вы способны. Одноручка, ты первая.

— Меня зовут Лилиан! — возмутилась девчушка.

— Прости, дорогая, мне плевать.

— Ты злая!

Я склонилась над ней, почувствовав запах пота и собачьей шерсти. Она затаила дыхание, когда её лицо оказалось в миллиметре от моего.

— Люди в этом мире гораздо злее. Поверь, когда ты выйдешь за пределы этих стен, первое, что бросится им в глаза — твои изъяны. И только доказав обратное, ты, может быть, заслужишь уважение. Покажи мне свою силу, Лилиан. — Я отступила на шаг и указала на двадцатикилограммовую гирию в углу. — Сдвинь её.

Девчушка уставилась на тяжёлый кусок металла и, выставив единственную руку перед собой, начала пыхтеть. Прошло меньше минуты, а на её лбу уже выступила испарина. Гиря лишь слегка качнулась под действием телекинеза. Жалкое зрелище.

— Ладно, остановись, — процедила я, сдавливая переносицу пальцами. — Толстяк, теперь ты.

— Я Майкл, мисс.

— И ты туда же. Становишься смелым только в присутствии дамы, Майкл? — Я достала из кармана зажигалку и выставила её вперёд. — Зажги.

Он буравил взглядом маленькое устройство. Слабый огонёк лишь на мгновение вспыхнул и тут же погас, оставив после себя тонкую струйку дыма.

Слова Мари отозвались в голове. Эти дети действительно казались безнадёжными. Я зажмурилась, пытаясь унять раздражение, и тяжело вздохнула. В запасе оставалось всего два года, чтобы подготовить их к суровой реальности.

— Слушайте, вы... Вам придётся вкалывать до боли в костях и кровавых слёз, если вы хотите нормально существовать в этом мире. Потому что, если не приложите усилий, вас ждёт дно. Ты, толстяк, со своей способностью попадёшь на городские свалки, где до конца дней будешь утилизировать отходы. А ты, одноручка, проведёшь всю жизнь в задрипанной офисной конторке, где вся твоя служба сведётся к тому, чтобы доставать коробки с самых верхних полок без помощи лестницы. Но если не будете хныкать и делать всё, что я скажу, то ваше будущее может выглядеть иначе.

— И как же? — почти плача, выдавила Лилиан.

— Ну, ты, например, сможешь стать строителем, возводить целые кварталы. Тебе, Майкл, под силу попасть на секретные военные объекты. Так что тебе нужно похудеть и обрасти мышцами, а Лилиан, — перестать заикаться на своём изъёме.

— Ты правда можешь сделать нас сильными? — спросил Майкл, и в его глазах блеснула робкая надежда.

— Да, но только если вы сами будете стараться.

— Мы будем! — уверенно ответили они в унисон.

— Славно.

Взгляд Майкла зацепился за белые панели, встроенные под потолком тренажёрного зала.

— Что это?

— «Колыбель», — ответила я. — Это специальное устройство, которое глушит нашу аберу. Я покажу, как оно работает. Лилиан, ты можешь сдвинуть с места что-то лёгкое?

— Да.

Я сняла перчатку с одной руки и положила её на пол перед девчушкой. Она ловко подбросила ткань вверх и покружила в воздухе, а затем уронила к моим ногам.

Кивнув, я оставила перчатку на полу и подошла к цифровому экрану на стене. Нажав несколько кнопок, я запустила «Колыбель». В уши тут же ввинтился тонкий, сверлящий писк.

— Слышите этот звук? Его улавливают только анафемы. Лилиан, попробуй проделать фокус ещё раз.

Девчушка вновь выставила перед собой руку, но на этот раз вещь оставалась неподвижной. Как бы Лилиан ни тужилась, у неё не выходило сдвинуть её даже на миллиметр. На лицах детей отразилось непонимание, сменившееся испугом. Хоть абера проснулась в них совсем недавно, остаться без неё походило на вырванный кусок души.

— Видите, ничего. — Я выключила устройство, и благословенная тишина вернула ясность мыслям.

— Почему «Колыбель»?

— Скорее всего, потому что способности словно впадают в спячку.

— Даже твои?

— Даже мои, абсолютно все. «Колыбель» делает нас обычными.

— Тогда почему нельзя, чтобы она работали всегда и по всему миру? — спросил Майкл.

— Потому что людям это невыгодно, — пояснила я. — Наши способности нужны им, мы — полезный ресурс. А «Колыбель» — просто поводок, созданный, чтобы брать неподвижную ситуацию под контроль. К тому же мозг анафем не выдерживает долгого воздействия этого звука. Спустя пару часов начинается дезориентация, паника, и потихоньку человек сходит с ума. Всё заканчивается печально. А теперь, если ваш допрос закончен, то бегите в свои комнаты и собирайтесь на уроки.

Дети уже развернулись, чтобы уйти, но Лилиан резко остановилась.

— Почему ты не спрашиваешь, что с моей рукой? Все меня об этом спрашивают, но ты — нет.

— А ты хочешь рассказать?

Она пожала плечами и спустя минуту произнесла:

— Моя мама сделала это, когда я родилась. Она думала, что так у меня не будет способностей.

— Это не так работает, — выдавила я, но всё моё нутро сжалось от ледяного ужаса.

ГЛАВА 6. НИК

Прошло две недели с начала учёбы. Касси целыми днями после занятий пропадала с новичками и другими подопечными, которых набрала за предыдущие годы. Обычно она не брала больше троих. Рид говорила, что так ей проще держать в узде их самих и их аберу.

Хейс доверил ей малявок шесть лет назад. Он видел, как она заботилась о Кэме и о нас. Когда ей исполнилось четырнадцать, директор официально свалил на неё наставничество. Кас не отказалась, хотя на тот момент уже возилась с щенками на псарне. Ей приходилось разрываться на части, но жалоб мы не слышали.

Труднее всего Касси давались первые недели учебного года. Приходилось подбивать свой график под расписание детей. После наших занятий она бежала к подопечным, затем — на псарню, а оттуда — в малый тренировочный зал. Пять дней в неделю мы практически не видели её. Я, Аксель, Ким и Мари старались подставить плечо, но этого было недостаточно. Она сильно недосыпала, и выходные служили маленьким спасением. Мы знали, что скоро подруга войдёт в колею и будет отрываться с нами на пятничных вечеринках и субботних играх в покер. Но пока мы её не трогали. Давали необходимое пространство.

Со вчерашнего дня я ещё не смыкал глаз. Полночи проторчал в подвале с другими старшекурсниками, а оставшиеся два часа провёл с девицей, чьё имя выветрилось из головы быстрее, чем запах её дешёвых духов. Пересекаться с ней я больше не планировал.

Мы жили в этих стенах почти десять месяцев, не уезжая даже на выходные. Академия затерялась в такой глуши, что сам чёрт сломал бы ногу, пытаясь найти нас. Железное правило для подобных заведений: строить их как можно дальше от городов. Ради безопасности. Не уверен, для чьей именно: нашей или обычных людей.

Торчать столько времени в одних и тех же декорациях — скука смертная, поэтому старшекурсники обустроили подвал по-своему. По пятницам там устраивались вечеринки, по субботам — игры в покер. Хейс и преподаватели закрывали на это глаза. Им было важно, чтобы мы не пропускали лекции и никому не вредили. Как мы проводим свободное время, их не волновало.

Выбравшись из чужой постели, я не пошёл к себе. Знал, что Аксель и Ким оккупировали комнату. Идти к Мари не хотелось, так что ноги сами понесли меня на чердак к Касси.

Я аккуратно толкнул дверь, но эта старая зараза всё равно предательски скрипнула. Кас даже не шелохнулась. Обычно она спала чутко и просыпалась от каждого шороха, но загруженные дни выжали из неё все соки.

Подойдя к кровати у окна, я лёг рядом и принялся рассматривать спящую фурию. Только во сне она казалась расслабленной. Половина лица утопала в подушке, а длинные красные волосы вырисовывали узоры на светлом постельном белье.

Подцепив пальцами её правое запястье, я осмотрел порез на ладони. Он появился вчера, но благодаря быстрой регенерации выглядел почти зажившим. Уже к вечеру тонкий шрам полностью исчезнет, а в следующую пятницу появится снова. Потому что мне нужна будет её кровь.

На нас не действовал алкоголь, но Касси нашла иной путь. Её гениальный мозг додумался до этого, когда нам исполнилось семнадцать. Она просто ворвалась ко мне со словами: «Я хочу кое-что попробовать». И я согласился на её безумный эксперимент. Не знаю, что надоумило её на это, но подозреваю: рассказы матери. Наш яд считался смертельным для всех, но не убивал подобных нам кровавых. Рид поняла, что при правильном контроле его можно использовать не только как оружие, но и как пропуск в другую реальность.

Мы провели несколько дней, экспериментируя, пуская друг в друга отраву. Через кровь, слюну и даже обычные прикосновения. Каждый метод давал свою степень опьянения. Самым

долгодействующим оказался вариант с кровью. С тех пор каждую пятницу, перед тем как пойти на вечеринку, я слизывал алые капли с ладони Кас. Металлический привкус на языке стал неотъемлемой частью разгульной жизни. Тот же алкоголь, просто в иной форме.

Поразительно. Люди отдавали целое состояние ради элитной бутылки вина или виски, а мы могли получать абсолютно такое же удовольствие совершенно бесплатно, имея хорошо обученного сородича под боком. И никаких последствий в виде похмелья. Не то чтобы мы гордились этим пьяным угаром. Просто хотелось вкусить все прелести обычной подростковой жизни. Да и развивать способности, пусть и ради развлечения, оказалось полезным занятием. Я даже не знал, умели ли так делать другие кровавые хамелеоны.

Часто в голову Рид приходили безумные идеи. Ей явно достался ум матери, когда-то входившей в число ведущих учёных страны. Из Касси бы вышел отличный доктор наук, но никто никогда не подпустит кровавого хамелеона к лабораториям. Она тянулась к знаниям, впитывая информацию о чужих абберациях не меньше, чем о своей.

Кас всегда хотела опробовать трюк с ядом на ком-то, кроме нас, но ни один нормальный не пошёл бы на такое. Ей повезло, что я соглашался на все дикие просьбы. Она научила меня контролировать аберу во время секса. Никто об этом не знает, но мы переспали с Кас ещё до того, как она начала встречаться с Кэмом. Гормоны во мне бушевали, однако я не хотел никому навредить.

Секс — это эмоции, а эмоции — слишком опасная черта для анафем. В такие моменты отравы внутри нас становится неуправляемой. Особенно если это что-то сильное: возбуждение, страх, ярость, даже эйфория. Каждый из стаи нашёл свой способ взять силу под контроль.

Помощь требовалась позарез, и близкая подруга не отказала. Ей и самой хотелось научиться получать удовольствие от процесса, а не испытывать страх от того, что кто-нибудь откинёт копыта в порыве страсти.

Кэм получал всё раньше меня. Мне по наследству переходили его старые вещи, игрушки и даже некоторые привычки. Как бы отвратительно ни звучало, но я радовался, что хоть что-то в этой жизни мне досталось первым. Кассиопея была моей территорией задолго до того, как он решил предъявить на неё права. И я яростно защищал её, хоть и не перечил начавшейся между ними связи.

Большим пальцем я провёл по алой линии на ладони Кас, и один её глаз широко открылся. Круглый зрачок резко сжался в тонкую полоску. Обычно так они сужались в момент страха. Поняв, что перед ней я, она расслабилась, и вертикальный зрачок немного расширился, принимая привычную кошачью форму. Луч солнца осветил бледное лицо, и от этого оранжево-зелёная радужка вспыхнула радиоактивным пламенем.

— Что ты здесь делаешь? — сонно пробурчала Касси хриплым голосом.

— Соскучился. Ты же не пошла с нами на вечеринку вчера.

— Тебе и без меня было весело. — Она ткнула пальцем в мою шею, найдя свежий засос.

— Ревнуешь? — улыбнулся я, наслаждаясь моментом.

— Безумно.

Сарказм позабавил меня. Я просунул руку под тяжёлое одеяло и схватил Кас за ногу, хозяйски притягивая к себе. Она не сопротивлялась. Эта редкая, но обманчивая покорность грела сердце. Я перевернулся на спину, укладывая её себе на живот и грудь. Мы оба плевали на то, что из одежды на ней были только короткий свободный топ и трусы. Мои ладони легли на голую спину, и пальцы стали выводить узоры на бархатистой коже.

— Что за нежности, Янг? Неужели и правда соскучился по мне?

— Ненавижу первые недели. Ты вроде бы с нами, но в то же время твой мозг где-то в другом измерении. Нам тебя не хватает.

Касси приподнялась, упираясь ладонями в матрас по обе стороны от моей головы. Сладковатый, едва уловимый аромат яда скользнул в лёгкие, когда её волосы щекотнули мой нос.

— Вы слишком жадные, я не ваша собственность.

Она улыбнулась, оголяя ровный ряд белых зубов. Её улыбка привлекала и пугала одновременно. В такие моменты она напоминала хищника. Если хорошо присмотреться, то можно было заметить, как верхние клыки немного выделялись, казались чуть длиннее и острее. Такая невзрачная деталь, но именно из-за этого она выглядела опасно.

Нет. Кассиопея Рид не просто выглядела как хищник, она им действительно являлась. И иногда я думал, что её создал сам дьявол.

Эту фурию называли в честь мифологической эфиопской царицы. История мира менялась и переписывалась сотни раз. Древние легенды чудом сохранились в нашем времени в своём первоизданном виде. Царица славилась тщеславием, гордыней и похвалялась тем, что она красивее nereid. В наказание за пороки Посейдон разорил её царство, а Кассиопею поместил на небосвод вверх ногами. Красивая сказка для той, чья жизнь превратилась в вечную пытку на виду у всех.

Моя подруга тоже не знала смирения. В то время пока кровавых хамелеонов ненавидели и боялись, она ни капельки не стыдилась своей природы. Несла её как корону. Прекрасная, умная, с налётом того самого созидательного безумия. Я тянулся за ней, пытался копировать этот стальной стержень внутри. И никогда не понимал, как она сошлась с моим братом.

Союз земли и пламени в тесной камере. Их отношения напоминали чёртов сумасшедший аттракцион. Они часто ругались, а потом страстно мирились. Последняя ссора привела к разрыву. Кас даже не пришла на его выпускной, оставив Кэма один на один с его фальшивым триумфом.

Старший брат корчил из себя сторонника правил, пай-мальчика. Касси же воплощала собой смертельный ураган, сметающий любые преграды. Разница в два года мешала ему разглядеть в ней женщину, пока ей не исполнилось семнадцать.

Честно говоря, иногда мне казалось, что он втянул её в этот роман лишь потому, что учуял, как сильно мы сблизились. В нём проснулся инстинкт соперничества. Брат часто унижал её, и это бесило меня. Он ошибочно полагал, что возраст даёт ему право на истину. Но у Кэма никогда бы не хватило духа и смекалки на те безумства, что она творила.

Мои руки переместились на бёдра Кас и заскользили вверх. Подушечки пальцев ощутили изгибы ягодич и талии, рельеф рёбер. Я остановился, когда ладони оказались под самой грудью. Большие пальцы коснулись нежной кожи и замерли.

Она продолжала смотреть на меня с той же хищной, чуть ленивой улыбкой. Ни одна мышца на её лице не дрогнула от этого беспардонного вторжения. И даже её сердце не изменило свой ритм. Оно билось всё так же спокойно и ровно, как будто ничего не происходило.

Мы с Кас никогда не будем парой, никогда не вернёмся в ту точку, где познали тела друг друга в сексуальном эксперименте. Мы оба знали это. Давняя одноразовая близость не испортила отношений, а укрепила дружбу, превратив нас в преданных друг другу союзников. Романы меня не интересовали, только душили. Я предпочитал беспечность, а она... Кас была сложным механизмом. Иногда мне казалось, что она не способна на любовь, а иногда я думал: нет никого на свете, кто способен любить так неистово, как она. Я искренне желал видеть рядом с ней мужчину, в чьём присутствии её огонь не угаснет.

Между нами никогда не было романтической патоки. Но была странная, вывернутая наизнанку платоническая связь, которая чертовски нравилась нам. Мы тонко чувствовали практически невидимые границы дозволенного. Могли сбросить циничные маски, обнажать души и не бояться, что в них плюнут.

— Рид, клянусь Богом, ещё немного, и ты почувствуешь под собой что-то твёрдое, — пошутил я, пытаясь вывести её на эмоции.

Кас склонилась, пропуская пальцы в мои волосы. Крепко сжав их в кулак и оттянув назад, она приблизилась к моему лицу. Если бы я не знал её, то решил бы, что она хочет поцеловать меня. Но я знал. Знал слишком хорошо этот прищур и холодную решимость.

Яркие глаза изучали меня несколько секунд, сканируя на предмет искренности, затем она тяжело вздохнула и, ослабив хватку, дала мне щелбан, сорвав смешок с моих губ.

— Да ты ещё не протрезвел, Николас Янг. В следующий раз не упивайся так ядом. Я столько не выделяла, у кого попросил? У Акселя? Ты хоть помнишь, как ночь прошла, пьяница?

— Главное, что я всё контролировал, а лицо очередной девицы я не запоминаю и трезвым.

Дверь комнаты скрипнула, и на пороге застыла Мари. Она меньше минуты стояла неподвижно, впитывая взглядом открывшуюся картину, а потом начала подходить, плотно прикрыв створку. Нашу позу сестра проигнорировала, лишь закатила глаза, словно застала школьников за глупым баловством.

— Эй, тебя не учили стучаться? Мы могли находиться в самом разгаре процесса! — рассмеялся я.

— Ну конечно, оставь свои сказки для идиотов, которые не знают ни тебя, ни Кас. Только они поверят в этот смехотворный бред.

— А что, мы взрослые люди. Думаешь, мы не можем придаться плотским утехам?

— Не друг с другом.

— Мы настолько предсказуемы? — спросил я у Кас, приподняв брови.

— Только для тех, кто слишком хорошо знает нас, — хмыкнула она.

Сестра села на край кровати и положила ладонь на мою руку, которая всё ещё грелась под топом Кас.

— Хватит лапать её, животное. Ты всё ещё пьян? — с укором бросила Мари.

— Да, — ответила подруга за меня. — А ты почему здесь, Мари? Сегодня суббота, дайте мне выспаться.

— Хейс нас зовёт, так что одевайся. Аксель и Ким сейчас придут.

— Чёрт, а ему-то что нужно?! Он никогда не трогает меня по выходным в первые недели. У него на это табу.

Касси вскочила с постели так резко, что я не сразу осознал её исчезновение. Она вихрем пронеслась по комнате, напялила чёрные джинсы, скинула топ. Стоя спиной к нам, она начала застёгивать лифчик, но упрямая застёжка никак не поддавалась.

Наблюдать за этими нервными попытками надоело. Я поднялся, сокращая дистанцию в два широких шага. Шлёпнув её тонкие пальцы, я принялся застёгивать крючки. В этот момент в комнату ввалились Аксель и Ким.

— Развлекаетесь, ребята? — ухмыльнулась Ким, и её яркие, кораллово-синие глаза блеснули в лучах солнца.

— Заткнись! — выпалили мы с Мари и Кас в унисон.

Расправившись с застёжкой, я развернул подругу к себе лицом и натянул на неё футболку и чёрную накидку. Её вовсе не смущало находиться в нижнем белье не только передо мной, но и перед всей стайей. Мы не знали стыда в нашем маленьком круге. Он умер ещё в детстве, когда нам приходилось защищать друг друга от нападок других студентов.

— Спасибо, — пробурчала она.

— Как думаете, зачем мы нужны Хейсу? — спросил Аксель непривычно серьёзно.

— Сейчас узнаем, — ответила Мари.

Мы направились к Хейсу, не считая нужным надевать перчатки и маски. В субботнюю рань коридоры пустовали. Шанс нарваться на лишние глаза стремился к нулю, а старик нас не боялся.

Кабинет директора находился на первом этаже. Как мы и думали, ни одна рожа не встретила нас на пути, пока мы пересекали лестничные пролёты. Кас даже не постучала перед тем, как войти. Ворвалась к Хейсу как ураган, и встала перед его столом, скрестив руки на груди.

Пространство больше напоминало штаб полевого командира, чем рабочее место директора академии. Здесь не пылились лишние безделушки. Каждая деталь излучала дисциплину и веяла тяжёлым прошлым хозяина.

В центре возвышался массивный стол из тёмного дуба. На нём в идеальном, почти пугающем порядке лежали стопки бумаг и старая пепельница. Стены подпирали стеллажи, забитые папками, а в воздухе висел плотный, въедливый запах крепкого табака.

Ким, Аксель и Мари уселись на небольшой кожаный диванчик, притиснутый к углу. Я же встал по правую сторону от Кас, привалившись плечом к холодной стене.

Старик выглядел паршиво: встревоженный, помятый, с залёгшими под глазами тенями. Почти пустая бутылка виски стояла на столе перед ним. Он даже не посчитал нужным убрать её, когда мы вошли.

— Что случилось, Хейс? Если ты вызываешь меня в выходной, в такую рань, да ещё и в первые недели, значит, что-то серьёзное. — Кас не ходила вокруг да около.

— Линчеватели напали на академию имени Фокса, — глухо ответил Хейс.

Мы затаили дыхание и напряглись. Все, кроме Касси. Она невозмутимо продолжала вглядываться в Вильяма, ожидая подробностей. У меня волосы на затылке встали дыбом.

Линчевателями называли сообщество, которое выступало против существования таких как мы. Впервые о них услышали лет девять назад. Все считали, что кто-то хорошо приплачивал им и умело заметал следы. Обычно они нападали на маленькие группки анафем, устраивая кровавую жатву в подворотнях. Но нападение такого масштаба... Это что-то новенькое. Тем более академия Фокса — один из элитных заповедников для тех, кто родился с золотой ложкой во рту. В ней учились отпрыски влиятельных людей. Даже пасынок самого мэра, который являлся частью «Чёртовой дюжины». Мы их не переносили на дух, считая высокомерным мусором, но новости от Хейса всё равно заставили кровь застыть в жилах. И только Касси хранила ледяное равнодушие.

— И что? Не наши проблемы, — выплюнула она, обрывая повисшую тишину.

— Теперь наши, Рид. Триста двадцать анафем мертвы, академию закрывают, а выживших расселяют по другим заведениям. Пятьдесят человек приедут сюда.

— Ну уж нет! — отрезала Кас. — Скажи им, что у тебя нет свободных мест! Эти богатенькие соплежуи не переступят наш порог!

— Я уже дал добро. В понедельник они будут здесь.

— Зачем?! Они нам не нужны! В их элитных гадюшниках никогда не жаловали кровавых! А помимо нас здесь учатся дети, которых чуть ли не с улицы подобрали. С чего вдруг элите тереться со сбродом?!

— Во-первых, не выражайся. Во-вторых, им подбирали места поближе, а у меня двести свободных коек. Я дал согласие на старшекурсников. Твоих ровесников. Всего два года, Кас, а может, и меньше, если их академию вновь откроют. К тому же среди этих анафем есть дети из «Чёртовой дюжины». Они нужны мне, чтобы школа держалась на плаву. Пока их дети учатся здесь, они будут вкладывать средства.

— Значит, дело в деньгах?

— Не только в деньгах. Не ты ли просила меня о помощи? Это шанс и для тебя.

Кас замерла, и мы напряглись ещё больше, кожей ощущая, как воздух наэлектризовался. По выражению лица Хейса я понял, что он взболтнул лишнего. Вильям думал, что у Рид нет от нас секретов, и я тоже так считал. Видимо, мы оба чертовски ошибались.

— О чём он говорит, Кас? — не выдержал я. Голос прозвучал резче, чем я планировал.

— Ни о чём, — огрызнулась она через плечо, даже не удостоив меня взглядом. — Ты позвал нас только ради этого?

— Нет. Тебя ждёт ещё один неприятный сюрприз. Возьмёшь человек десять под своё наставничество.

— Ещё чего! — возмутилась Кас. — Разве ты не сказал, что они наши ровесники? Зачем им нянька?

— Элитных детишек не обучают как следует. Светлое будущее им обеспечено по праву рождения. Здесь я не собираюсь давать им спуска. Они будут жить по общим правилам.

— Я возьму только одного.

— Десять.

— Одного, — прорычала фурия.

— Рид.

— Хейс.

Я видел, как одна бровь Кас приподнялась и уголки её губ дёрнулись, превращаясь в торжествующую ухмылку. Она поняла, что старик прогнулся под её натиском. Он устало провёл ладонью по лицу, стирая остатки самообладания, и с шумом выпустил воздух из лёгких.

— В понедельник мы встретим их, я дам тебе анкеты. Прошу, не отказывайся, пока не взглянешь на них.

— Ладно. — Кас кивнула и стремительно направилась прочь из кабинета.

Она шла так быстро, что мы едва поспевали за ней. Слова Хейса всё ещё не давали мне покоя. Въелись в подкорку, отравляя мысли. Я нагнал Касси и остановил её, больно схватив за локоть. Ненамеренно, просто не рассчитал.

— Что имел в виду Хейс, когда говорил о помощи тебе?

— Ничего.

— Касси.

— Николас Янг, не лезь в то, что тебя не касается!

— Меня касается всё, что связано с тобой! Так что не смей отгораживаться от меня! Наша стая — семья, у нас нет секретов друг от друга! — голос сорвался на крик.

Она резко вырвалась из хватки, но от меня не ускользнул проблеск вины в её глазах.

«Прости за то, что повысил голос, — мысленно молил я. — Только, пожалуйста, не закрывайся».

Касси ушла, ничего не ответив, оставляя после себя шлейф застарелого гнева. Подруга впервые злилась по-настоящему. Аксель присвистнул за спиной, Мари встала рядом и встретила со мной взглядом. На её лице отчётливо читалась тревога.

— Что это, чёрт побери, было? — спросила Ким.

— Без понятия, — ответил я, глядя вслед удаляющейся фигуре той, кого, как мне казалось, я знал вдоль и поперёк.

ГЛАВА 7. МАРИ

Впервые за годы обучения никто из нас не пошёл в подвал на субботнюю игру в покер. Касси до самого вечера просидела в своей комнате. Тишина из-за её двери давила сильнее крика. Не выдержав отсутствия подруги, мы всё же нарушили её личное пространство.

— Может не стоит? — спросила Ким. Мы столпились у порога, вжимаясь в холодную стену коридора. — Серьёзно, я боюсь, когда она в гневе. Но такой вижу впервые. Может, дадим ей время остыть?

— Я не собираюсь проводить выходные без нашей фурии. Не убьёт же она нас, — возмутился Ник, хотя голос прозвучал выше обычного.

— Конкретно тебя — вполне может, — попытался пошутить Аксель, нервно хрустнув пальцами.

— Перестаньте. Касси всегда доставала нас из дерьма. Наша очередь её поддержать. Вам ли не знать, почему она так ненавидит «Чёртову дюжину»?

Я не успела договорить. Дверь распахнулась с противным скрипом несмазанных петель. Касси стояла на пороге и сверлила нас глазами. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она заговорила.

— Долго вы будете тереться здесь? Входите уже.

Она не стала ждать. Оставила дверь открытой и уселась на кровать, облокачиваясь на изголовье. Её взгляд застыл на окне. Подруга выглядела выжатой. Будто собственные мысли выели её изнутри, оставив лишь пустую оболочку.

Мы потоптались в проходе, слушая собственное неровное дыхание, и несмело шагнули внутрь. Раз не выгнала — уже добрый знак. Она нуждалась в нас не меньше, чем мы в ней.

Комната располагалась под самой крышей академии. Здесь, вдали от шумных коридоров, был словно отдельный мир. Через единственное большое круглое окно открывался вид на задний двор, псарню и лес.

Вместо современной мебели стояла большая кровать с деревянным изголовьем, застеленная толстым серым пледом. Стены казались тёмными и голыми, за исключением того места, где висели дзё Рид и несколько метательных кинжалов. Металл тускло поблёскивал в полумраке. Несмотря на пустоту, здесь пахло свежестью и какими-то терпкими травами. Этот запах всегда действовал как успокоительное.

Ким и Аксель уселись на мягкий ковер на полу, я устроилась на пуфике в углу, а Ник осмелился примоститься рядом с Касси. Рука брата аккуратно взмыла в воздух и опустилась на её плечи. Мы смотрели на попытку Ника приобнять Кас так, словно он медленно просовывал ладонь в станок по резке металла, заклиная его не отрубить пальцы. Подруга не оттолкнула его, и я почувствовала, как узел в моей груди ослаб.

— Касси...

Ник произнёс имя слишком ласково. Таким тоном он обычно просил дозволения. Я видела, как тело Кас мгновенно одеревенело, стоило брату открыть рот.

— Если ты вновь будешь спрашивать меня о том, что имел в виду Хейс, то первым вылетish отсюда, — холодно отрезала она.

— Я не буду, просто обещаю, что ты будешь в порядке.

— Со мной всё будет хорошо.

— Хорошо, — кивнул Ник, но ни один из нас не поверил её словам.

— Ты правда возьмёшь под своё крыло этих ублюдков? — спросил Аксель.

— Хейс просит помочь, и я помогу. Не ради них, а ради него и академии. Вильям прав: их родители будут вкладываться, пока они учатся здесь. Нам нужны их грязные, но пахнущие большими деньгами купюры, чтобы эту дыру не закрыли.

— Но ты же ненавидишь их!

— Аксель! — Ким пихнула парня локтем так, что у того клацнули зубы. — Перестань нагнетать.

Отец Касси работал на одну из семей «Чёртовой дюжины». Стихийник с аберрацией огня. Когда Касси исполнилось пять лет, его обвинили в поджоге и убийстве мэра и ещё нескольких человек. Приговор вынесли спустя три дня после инцидента, и его расстреляли прямо на территории академии, где он когда-то учился. Для всех анафем наказание за проступки одно — расстрел.

Старший Рид не первый, кого лишили жизни у той стены. Но в тот день она видела всё своими глазами. Слышала каждый выстрел и глухой стук человеческого тела о землю. И с тех пор ненавидела «Чёртову дюжину». Она была уверена, что это подстава. Честно говоря, мы считали так же.

Прямых улик не осталось, но после смерти мэра его должность занял Генри Фокс — кузен главы семьи, на которую работал отец Кас. Слишком удачное совпадение, на которое сложно не обращать внимание. Но кто мы такие, чтобы оспаривать решение верхушки? Для них мы пешки.

— Я не собираюсь нянчиться с ними, — сказала Кас, и на её лице появилась улыбка. Вымученная, но всё равно злобная. — Пусть прознают всю тягость бытия, а то их жизнь слишком сладкая.

Рид была права. К анафемам относились с опаской, но деньги позволяли некоторым из них расслабиться. В академиях они учились спустя рукава, зная, что после выпуска их ждёт беззаботная жизнь. Студентам лишь нужно было взять свою аберу под контроль, но не более. Элита не развивала свои способности и не лезла из кожи вон, как мы. Мы выплёвывали лёгкие во время тренировок, пока их в обществе принимали с подобием уважения.

— Если они думают, что смогут качать здесь свои права, — продолжила Кас, — их ждёт большое разочарование. Я не позволю никому из них унижать нас. Никто из учеников нашей академии не прогнётся. Это наша территория. Им придётся жить по нашим правилам.

Мы улыбнулись. Фурия выглядела измученной, но бойцовский дух не пал. Нас это радовало.

— Интересно, кого к нам отправят? — спросил Аксель.

— Узнаем в понедельник, — ответила я.

— Странно, что линчеватели так осмелели. Я бы мог понять, если бы они разнесли дыру вроде нашей, но академия имени Фокса... Если их найдут, всё закончится. Несмотря на то, что они обычные люди, их убьют.

— А если не найдут? — спросила Ким. — Как думаете, они продолжают атаковать учебные заведения?

— Общество долго закрывало глаза на их выходки, — произнесла Рид. — На нескольких неприметных анафем всем плевать. Убили, ну и что? Нормальным жить спокойней. Я уверена, что, напади линчеватели на нас, такую шумиху бы не подняли. Но дело коснулось власть имущих, и все встали на уши. Мир всегда скорбит по шёлку больше, чем по рваному тряпью.

— Мы можем сходить в библиотеку и узнать подробности, — предложила Ким.

Правила академии запрещали пользоваться средствами связи. Все новости мы узнавали только благодаря компьютерам в библиотеке. Старые гудящие машины едва тянули сеть, но это всё, на что у Вильяма хватило денег. У каждого была своя электронная почта, но общаться мы могли только с такими же учениками или родственниками. Не знаю, как других, но нас пятерых отсутствие связи не волновало.

Отец Кас гнил в земле, с матерью она редко общалась. Я ходила в библиотеку только ради Кэма. Ник узнавал о брате от меня. Отношения у них не ладились с детства. Я знаю, они любили друг друга, но предпочитали показывать эту любовь в действии, а не выражать словами.

Ким оборвала все нити с семьёй, стоило ей переступить порог академии. Родители терпели дочь до тех пор, пока не проснулась абера. И с радостью избавились, как только подвернулся случай. Оба — обычные люди. Ярые прихожане церкви, ненавидящие анафем и считавшие их творением дьявола. Кровавый хамелеон в семье святош ударил под дых. Она стала меткой, которую пытались стереть из памяти. Единственная, с кем Ким сохраняла связь, — старшая сестра, которая хоть и не являлась анафемой, но с теплотой относилась к родной крови.

Аксель общался только с матерью. Джуди — стихийница воды — стала для нас редким живым примером любящего родителя. Отца Вульф не знал: тот исчез сразу после рождения сына. Джуди иногда шутила, что утопила мужа, потому что он не захотел принимать ребёнка. Эти шутки пахли затаённой обидой.

В академии мы не обзавелись друзьями. Наша шайка держалась особняком, вращаясь друг в друга, как корни в землю. Не имея настоящих семей, мы создали свою.

— К чёрту библиотеку и новости. Давайте насладимся спокойными выходными, — выдохнула Кас. — Спасибо, что пришли. Вы мне нужны. Всегда. И я не представляю, что бы я без вас делала.

— А ты нужна нам, — сказала Ким, поднимаясь на ноги. Плавной походкой она приблизилась к кровати и упала на неё, придавливая друзей. — Касси, не злись на Ника за его вопрос. Он единственный осмелился на него, но слова старика засели и в нас. Мы же и правда никогда ничего не скрываем друг от друга.

— Знаю. Я расскажу, когда придёт время.

— Обещаешь? — спросил Аксель с ухмылкой.

— Клянусь.

Выходные мы провели на чердаке. Не расходились даже на ночь, спя вповалку на старых матрасах. Аксель приносил еду из столовой, и Нику приходилось силком впихивать её в Касси. Настроение у подруги оставалось скверным, но она хотя бы не срывалась на нас. Мы больше ни разу не обмолвились о словах Хейса, даже друг с другом. Каждый сам для себя решил оставить эту тему. Кас поклялась, а её клятвы имели вес.

Когда наступил понедельник, мы первыми спустились вниз. Встав на своё излюбленное место, мы ждали, пока пятьдесят новых студентов переступят порог, принося с собой запах дорогого парфюма и надменности.

Хейс передал анкеты Касси и ещё нескольким ученикам, которых ждала такая же незавидная участь, как и Рид. Будущие наставники стояли вдоль стены, понутив головы. Преподаватели тоже не выражали восторга, ожидая новеньких. Перспектива возиться с кучкой избалованных щенков заставляла их лица кривиться, точно от зубной боли.

Касси листала анкеты, и мы вчитывались в них, стоя за её спиной.

— Не может быть! — выпалил Ник. — Посмотрите, это же пасынок мэра! Сам Дэниел Фокс, чёрт бы его побрал!

— С чего мэру отправлять своего пасынка в нашу дыру? — Аксель выхватил анкету из рук подруги, внимательно изучая имя. — Почему у них одинаковые фамилии, они ведь не родня?

— Потому что мэр взял фамилию жены после свадьбы, — ответила Кас, забирая бумагу обратно.

— Почему она оставила её, а не вернула девичью? — не унимался друг.

— Откуда мне знать?! — огрызнулась Рид. — Спроси у этого придурка сам, Вульф!

— О, посмотрите на эту злобную фурию. Так зла, что называет меня по фамилии.

— Генри — кузен Роджера Уэста, но он не принадлежал «Чёртовой дюжине», — поубавив пыл, произнесла Кас, продолжая перебирать листы. — Вспомните все новости. Он не мелькал в статьях до тех пор, пока не женился. Думаю, нынешний мэр взял фамилию жены ради вкуса власти.

— Мир всегда был таким или мы попали в самый разгар его уродства? — процедил Аксель сквозь зубы.

— Всегда, — отозвалась Ким. — Восемьсот лет назад человечество чуть не вымерло, помнишь? Почти половина населения Земли сгинула во время войн.

— Удивительно, что они смогли восстановиться, — хмыкнул Вульф.

— Восстановиться? — усмехнулся Ник. — Довести население до шести миллиардов, но жить по средневековым понятиям ты называешь так? Знаешь, что нам рассказывал мистер Деклан на уроках? Он говорил, что в начале двухтысячных люди думали о том, что машины будут летать по воздуху, что человечество сможет придумать способ клонирования и телепортации. И что мы имеем в итоге?

— Единый язык и отсутствие границ, — ответила я, пытаюсь найти хоть какие-то плюсы.

— Ага, но продолжаем держать армии. С кем воюем, раз нет границ? О, и да, давайте вспомним о нас и нашей природе. Люди создали анафем, но отреклись от своего творения.

— Ну с этим мы ничего не сделаем. Влияние церкви, — сказала Ким со злобой в голосе. Уж кому как не ей знать всю жестокость этого влияния. Сердце сжималось каждый раз, когда она рассказывала о своём детстве. — Толку от того, что мы обсуждаем эту тему? Смиритесь и живите настоящим. Неужели для вас лучше вообще не существовать? Я считаю, нам повезло. Правда. Академия стала домом, мы есть друг у друга. Пусть другие скалятся, видя нас, пусть ненавидят. Мы всё равно счастливее них во многом.

Касси посмотрела на подругу с нескрываемым уважением. Мы замолкли, понимая, сколько правды в её словах. Я вновь обратила внимание на анкеты и зацепилась за ещё одно знакомое имя.

— Смотрите, Оскар Лейбёрн. Кэм работает на его отца, — констатировала я. В животе кольнуло предчувствие беды.

Старший брат иногда писал, что отпрыск Лейбёрнов славится высокомерием и буйным нравом. Он не терпел, когда ему перечили. От него можно ждать чего угодно, но только не спокойствия.

— Прекрасно, сразу двое детишек из «Чёртовой дюжины», — скривился Ник. — Чем думали их семьи, отправляя сюда?! С их деньгами могли бы найти место поприличнее.

— Ладно, — выдохнула Кас, нервно поправляя листы. — Давайте посмотрим на этих засранцев.

Двери академии открылись, запуская новых студентов в нашу обитель. Мне казалось, Кас держит себя в руках, пока я не увидела, как её тонкие пальцы впились в перила мёртвой хваткой. Уверена, что под чёрной кожей перчаток костяшки побелели от напора.

— Ник, — прошептала я и кивнула, указывая на подругу.

Брат понял всё без лишних слов. Он склонился к Кас, что-то быстро прошептал ей на ухо, а затем подтянул за локоть, ставя прямо перед Вульфом.

Из всей нашей компании Аксель выглядел самым внушительным: высокий, почти на голову выше Ника, с телом, выкованным бесконечными тренировками. Иногда он напоминал медведя гризли, готового в любой момент подмять под себя угрозу.

Он встал за спиной Кас, перехватив перила по обе стороны от неё. Она упёрлась затылком в его широкую грудь. Если Ник удерживал фурию от безумных поступков лаской и заботой, то Аксель справлялся с этим благодаря грубой силе. Брат передавал Рид другу только в тех случаях, когда чувствовал, что её ярость вот-вот сорвётся.

Пальцы Кас всё ещё крепко сжимали дерево, но теперь мы, по крайней мере, были уверены: она ничего не выкинет, находясь в этом живом кольце.

Первым, на ком замерли наши взгляды, стал Дэниел Фокс. Элитная анафема с аберой телекинеза. Стоит отдать должное: фигура у него была что надо. Наверное, он мог часами зависать в тренажёрном зале, шлифуя мышцы, которые никогда не знали настоящей драки.

— Посмотри, Аксель, да этот парень может потягаться с тобой, — хихикнула Ким.

— Кимберли Свон, думаешь, найдёшь кого-то лучше меня? Уверен, на самом деле он слабак, раздутый от самомнения.

Касси лишь мельком скользнула по телу Дэниела, оценивая его как противника, а затем впилась глазами в его изуродованное лицо. Иссиня-чёрные волосы, жёсткие и непослушные, небрежно спадали на лоб, тщетно пытаясь скрыть начало шрама. Грубая полоса рваным росчерком уходила вниз, почти через всю левую половину лица. Это увечье задело бровь и глаз, из-за чего радужка поблёкла, подёрнулась мутно-серой пеленой, словно затянутая вечным туманом. Второй же зрачок, абсолютно здоровый, казался почти чёрным. Но стоило солнечному свету упасть на него, как в глубине вспыхивала благородная позолота. Черты Фокса выглядели резко, хищно. Эта сломанная красота пугала и одновременно завораживала.

— Интересно, он что-нибудь видит левым глазом? — тихо спросил Вульф.

— Аксель! — шикнули мы с Ким в один голос.

— А что? Не говорите, что вам не любопытно.

Рядом с Дэниелом стоял Оскар Лейбёрн и что-то шептал ему на ухо. Не знаю почему, но мне стало тошно от одного его вида.

Он выглядел обманчиво обычно. Каштановые волосы закручивались в лёгкие завитки, точёное лицо выдавало аристократа. Подтянутое тело, прямая, как стальной стержень, осанка. Но в его светло-голубых глазах сквозило нечто омерзительное. Он смотрел на всё и всех как на кучу мусора под ногами, с нескрываемым презрением. Ему было противно здесь находиться. Это чувство почти физически исходило от его безупречного костюма.

Рассматривая новичков, я не сразу заметила, как Кас перевела взор на Хейса. Он уже закончил формальное приветствие и теперь стоял у стены, скрестив руки на груди.

Кас подняла указательный палец, показывая директору; тот мотнул головой и выставил перед собой десять. Она добавила ещё один, и он снова отрицательно качнул головой. Когда подруга вскинула третий палец, Хейс опустил одну руку, растопырив перед собой пятерню.

Рид шумно выдохнула, привлекая наше внимание, и кивнула старику. Грудь Вильяма тяжело поднялась и опустилась. Уверена, он испытал облегчение от того, что они смогли прийти к компромиссу. Их немой разговор закончился, и директор поднялся к нам.

— Удиви меня, Рид.

— Я хочу посмотреть на них в деле. Дай мне неделю, и я скажу, кого именно возьму.

— Надо же, — протянул Ник. — Это что-то новенькое. Согласилась сразу на пятерых, но не говоришь, кого возьмёшь. Действуй по старинке. Бери самых безнадёжных. Ты же любишь заниматься тяжёлой работой.

— Они все безнадёжны, — сухо ответила Кас. В её голосе лязгнул металл.

ГЛАВА 8. ДЭНИЕЛ

Академия имени Вильяма Хейса — худшее, что могло случиться со мной. Отчим явно презирал меня, раз отправил в эту дыру. Что ж, его я ненавижу ничуть не меньше.

Генри появился, когда мне исполнилось семь. Между нами сразу вспыхнула глухая неприязнь. Когда он женился на моей матери, в нагрузку с ним шли двое детей. Адские двойняшки Розы и Роберт не давали житья, пользуясь тем, что были старше и крупнее. На мою удачу, во мне проснулся телекинез. Страх перед анафемой заставил этих придурков отступить. Животный ужас в их глазах стал моим первым триумфом.

Отношения с отчимом окончательно прогнили после смерти мамы. Генри при каждом удобном случае тыкал тем, что это я виноват в случившемся. Его слова хлестали кнутом. Каким ублюдком надо быть, чтобы обвинять ребёнка?

Мне оставалось два года до выпуска, жизнь казалась почти идеальной, несмотря на вечные домашние ссоры и проблемы с контролем телекинеза. Наследство позволяло свалить как можно дальше от отчима и сводных родственников. Но из-за линчевателей придётся гнить в этом гадючнике.

Академия, в которую меня запихнули, смердела безнадегой. Здесь учился сплошной сброд. А самое худшее, что здесь разрешалось учиться кровавым хамелеонам. По-моему, мир стал бы чище, если бы их продолжали отстреливать. Одной угрозы для жизни меньше.

Оскар Лейбёрн — единственное утешение в этом дерьме. Мы дружили с детства, хоть иногда он вёл себя как полный кретин. К сожалению для друга, старший Лейбёрн задолжал моему отчиму, поэтому Оскар оказался здесь. Генри сказал, что простит долг, если его сын присмотрит за мной в новом месте.

— Здесь полный отстой, — скулил Оскар мне в ухо. — Твой отчим тебя реально ненавидит.

— Я же говорил тебе.

— Насрать! Покажем этим сосункам, кто здесь главный. Мы превратим эту академию в наше королевство, а они будут нашими верными псами.

— Я слышал, Вильям Хейс выжимает из своих студентов все соки.

— Забей на старого хрыча. Что он нам сделает? Ему нужны деньги наших родителей. Он будет пресмыкаться ради чеков на круглые суммы.

Директор выглядел неплохо для человека своего возраста. Голос и поступь выдавали в нём бывалого вояку. В его движениях чувствовалась мощь, которую не удавалось спрятать за старым, дешёвым костюмом. Но я лишь недолго наблюдал за ним, пока он приветствовал нас.

Мой взгляд споткнулся о студентов, стоявших на лестничной площадке между этажами. Пять багровых пятен, точно всполохи пожара в сумерках, заставили желудок сжаться в тугий узел. Их носы и губы скрывались под угольными масками, а ладони — под перчатками цвета сажи. На каждом висела чёрная накидка с капюшоном.

Слухи о кровавых лились рекой, но лично я видел только одного, да и то мельком в поместье Лейбёрнов. Мир вытирал ноги об этих анафем. Их использовали для самой грязной работы, превращая в бессловесный инструмент. В элитных академиях болтали, что над кровавыми издевались ради забавы, а те лишь глотали обиду, скованные страхом наказания. Я привык считать их запуганным, жалким меньшинством.

Но эти пятеро... Они возвышались над толпой, будто на пьедестале. Словно они хозяева этого мира. В их ярких, разноцветных глазах не нашлось и капли раболепия. Никакого страха. И, признаться, от этого у меня холодели кончики пальцев.

Одна из них буравила меня оранжево-зелёными глазами. Она смотрела так долго и пристально, что кожа на щеке, там, где шрам уродовал лицо, начала нестерпимо зудеть. За десять лет я привык к этому изъязну, но впервые мне захотелось спрятаться.

Я не меньше других презирал их породу. Они больше походили на животных, чем на людей. Зрение, обоняние, даже повадки. Всё в кровавых кричало о дикости. Но сейчас что-то в них цепляло. И я не мог понять, что именно. Пока она сканировала меня, я впитывал её образ в ответ. Длинные, доходившие почти до поясницы волосы и необычного цвета глаза первыми привлекали внимание. Я подметил одну деталь: несмотря на алый цвет шевелюры, брови у всех оставались естественного тёмного цвета.

Взгляд скользнул по её подтянутой фигуре и светлой коже. Лицо казалось маской — ни одной живой эмоции, лишь холод. Но я заметил, как крепко пальцы сжимают старые деревянные перила. Когда я уже готов был проиграть в этой игре в гляделки, она резко отвернулась к директору.

Красноволосая выбросила вверх указательный палец, и я не понял, что она пыталась показать Вильяму Хейсу. В ответ на её жест старик растопырил десять пальцев. Числа... Они показывали друг другу числа. Они сошлись на пяти, а я всё ещё не знал, что это значит. Это походило на беззвучный, профессиональный торг.

Директор поднялся по лестнице и перебросился парой коротких фраз с ней, а затем, похлопав по плечу, скрылся в коридоре. Пять пар змеиных глаз снова впились в нас, прощупывая насквозь.

На подсознательном уровне я сразу развесил на них ярлыки. Самого крупного с отросшими прядями окрестил Качком. Рельеф его мышц отчётливо проступал сквозь поношенную футболку. Девушка, стоявшая слева от него, с двумя тугими косами стала Чирлидершей. Хотя её зелёный топ и широкие штаны со множеством карманов больше напоминали армейское обмундирование. Ещё левее кроха с каре показалась мне Ботанкой. Серый вязаный свитер под чёрной накидкой выглядел нелепо. Парень справа от качка — скорее Шут. Его оранжево-жёлтое тряпье слепило своей неуместной яркостью. А та, что в центре, впившаяся в меня свинцовым взглядом, — очевидный лидер этой банды.

Я понял это по тому, как остальные ловили каждое её движение. Они ждали команды. Чёрная одежда облегла её фигуру, беспощадно подчёркивая изгибы тренированного, но, чёрт бы меня побрал, сексуального тела.

По одному едва заметному жесту шайка расступилась перед ней, открывая дорогу. Медленной, вальяжной походкой она спустилась по лестнице и подошла к нам. Преподаватели и другие ученики попятились, давая хамелеонам пройти, точно те несли в себе заразу.

— Твою мать, здесь целых пять кровавых, — прохрипел Оскар мне в ухо с омерзением в голосе.

Честно говоря, я удивился, когда несколько местных студентов хлопнули красноволосую по плечу, желая удачи. Они не боялись её, не презирали, возможно, даже считали равной себе. Это выглядело как массовое помешательство.

— Мы выражаем вам соболезнования по поводу случившегося, — начала она, оказавшись совсем рядом. — Полагаю, среди погибших остались ваши друзья. Мы позаботимся о вас. У каждого из вас появится наставник. Через неделю мы решим, под чьё попечение вы пойдёте.

Кровавая хамелеонша цедила слова утешения и в этот момент выглядела человечнее всех нас вместе взятых. Если бы она только знала, что нас чужая смерть не волновала. Мы просто радовались тому, что выжили сами. Этот эгоизм согревал изнутри.

— Я возьму пятерых из вас под своё наставничество.

Пятерых. Значит, она торговалась с директором. Как он позволил кровавому стать наставником?

— Меня зовут Кассиопея Рид.

— Да чтоб меня! — выкрикнул кто-то из наших. — Дочь убийцы не будет моим наставником!

Рид.

Услышав фамилию, я едва удержал челюсть. Её папаша навёл много шума пятнадцать лет назад. Кровавый след от его дел до сих пор тянулся по политическим коридорам. Я и понятия не имел, что его отродье учится здесь. Интересно, знал ли об этом Генри, отправляя меня сюда?

Слова студента её ничуть не смутили. Ни одна мышца на лице не дрогнула. Выдержка у этой девчонки была стальной. Этой невозмутимости хватило, чтобы вызвать у меня мимолётное уважение вперемешку с раздражением. Я так не мог.

— Славно, — ответила она с безразличием. — Одной заботой для меня меньше.

Больше не тратя на нас ни секунды, Рид повернулась к старшекурсникам.

— Проведите им экскурсию, а потом разведите по комнатам. Сегодня пусть отдыхают.

— Обычно ты этим занимаешься, — усмехнулся кто-то из толпы.

— С детьми приятнее работать, чем с этими оболтусами, так что не зли меня.

Она проигнорировала вспыхнувший ропот возмущения. Развернулась на каблуках и направилась к лестнице. Вся её шайка бесшумно двинулась следом.

«Сука...» — подумал я.

Злость закипала в груди, но я так и не смог заставить себя отвести взгляд, пока её фигура не скрылась в полумраке верхнего этажа.

ГЛАВА 9. КАССИОПЕЯ

Чёртовы придурки думали, что могут застать меня врасплох, припомнив отца. Ну уж нет. Я слышала это дерьмо слишком часто, чтобы оно пробило мою броню.

Хейсу повезло, что я согласилась взять пятерых. Но, клянусь Богом, жизнь этих жалких, напыщенных индюков я превращу в настоящий ад. Фокс и Лейбёрн первыми войдут в их число. Плевать, насколько сильна их абера. Они нужны мне. Их семьи, скорее всего, захлебнутся желчью, но так у меня появится больше лазеек, чтобы свершить задуманное.

— Касси, как ты будешь решать, кого взять? — спросил Ник, следуя за мной по коридору.

— Посмотрю, на что они способны.

— Как ты планируешь успевать всё? — вклинилась Мари. — Ты только-только подбила своё расписание.

— Не проблема. Они наши ровесники, занятия совместные, значит, большую часть времени они будут под прицелом.

Мы зашли в комнату. Грохот захлопнувшейся двери отозвался в висках. Аксель хмыкнул, глядя на меня тяжёлым, понимающим взглядом.

— Эти придурки бесят тебя, ведь так? — спросил друг, падая на пуфик.

— А тебя разве нет? Посмотри, они всех бесят. Ты когда-нибудь видел, чтобы студенты нашей академии прикасались ко мне без надобности? Эти элитники не чувствуют границ, Аксель. За такое у нас ломают кости.

— Согласен, дружеские похлопывания по плечу выглядели странно, но их можно понять. Может, они и сторонятся нас порой, но за долгие годы привыкли жить бок о бок. Сейчас появилась новая угроза.

— Вы знаете, почему лицо Фокса изуродовано? — неожиданно спросила Ким, стянув маску.

Мы вчетвером уставились на неё с недоумением.

— Удивительно, что ты не знаешь, — произнесла я. — Говорят, что они с матерью попали в аварию, когда ему было десять.

— Да, а ещё ходят слухи, что он убил собственную мамашу, — продолжил Аксель. — Как думаете, машина просто так слетела в кювет на пустой дороге? Металл не гнётся без причины.

— Он не мог столкнуть автомобиль, у детей нет столько сил, — возразила Мари.

— А я и не говорю, что это была целая машина. Вероятно, педаль или руль. Один точный рывок внутри механизма.

— В новостях писали, что колымага была неисправна. Но поговаривали, что, возможно, и он виноват. Не исключено, что это был один из неконтролируемых всплесков, — предположила я.

— Да, а всплески случаются только при сильных эмоциях, — не унимался Аксель.

— Не думаю, что он психопат и сделал это специально, — призналась я.

— Защищаешь его?

— Вовсе нет, просто не люблю, когда обвиняют без доказательств.

Я рухнула на кровать, сдирая с лица маску и отшвыривая перчатки в сторону. Мари плюхнулась рядом, обвивая меня руками и закидывая ногу мне на бёдра. От неё пахло травянистым мылом, которым пользовались в академии.

— Ты же пойдёшь с нами в пятницу на вечеринку? После таких деньков нужно выпустить пар, — промурчала она.

— Да, — ответила я, взлохмачивая волосы подруги. — Оторвёмся по полной.

— А вечер субботы мы проведём за игрой в покер, — вклинился Ник, заваливаясь сверху.

Аксель и Ким, недолго думая, тоже разместились на кровати. Матрас жалобно скрипнул под нашим общим весом.

— Эй, придурки, моя кровать не резиновая! — смеясь, выругалась я. — Вы вообще собираетесь идти к себе? Третий день занимаете мою комнату. Скоро Хейс решит, что вы переселились сюда, и отдаст ваши койки кому-нибудь другому.

— Да ладно тебе, Кас, не будь такой злоюкой, — пробубнил Аксель.

Ближе к вечеру они всё же оставили меня. Мы сходили на общий ужин в столовую, возвращая взятую на выходные посуду. Элита не сводила с нас глаз. Их липкие взгляды кололи кожу, и я не понимала, чего в них больше: страха или презрения.

Плывать я на них хотела, но голова то и дело поворачивалась в сторону Фокса и Лейбёрна. Я пыталась понять, с кем из студентов они общались больше всего. Это помогло бы мне отобрать людей в свою группу. И я очень надеялась, что все они окажутся слабаками. Тогда у моих друзей не возникло бы лишних вопросов. Они привыкли к системе моего выбора. Если я возьму сильных, они заметят неладное. Хейс и так заставил меня поволноваться пару дней назад.

В груди жгло от чувства вины. Скрывать правду от ребят отвратительно, но узнай они всё — непременно начали бы отговаривать. Истина в любом случае выйдет наружу, но только тогда, когда стая никак не сможет повлиять на моё решение. Я уже выбрала свой крест.

Прошедший день не давал уснуть. Я долго лежала в кровати, всматриваясь через окно в звёздное небо. Опустив взгляд ниже, я заметила силуэт. Рядом с псарней кто-то был.

«Какого чёрта?» — пронеслось в голове.

Быстро вскочив и одевшись, я побежала вниз. На улице кусался холод, и я поёжилась, ругая себя за то, что не захватила накидку. Человек стоял неподвижно, глядя куда-то в темноту густых деревьев.

Наша академия находилась в глуши. Вокруг на сотню километров раскинулся лес, чей ропот никогда не стихал. Лишь одна-единственная дорога вела в город.

Побоявшись подходить слишком близко, я остановилась в нескольких метрах от незнакомца. Воздух между нами застыл, пропитавшись запахом хвои и надвигающейся грозы.

— Эй, идиот, что ты здесь делаешь?!

Парень развернулся ко мне боком, и в свете луны я узнала Дэниела Фокса. Он оцепенел, увидев меня, а я выдохнула с облегчением. После истории с линчевателями я ощутила почти извращённую радость, наткнувшись на знакомое, но ненавистное лицо. Лучше понятый враг, чем невидимая смерть.

— Просто решил осмотреться, — сухо выдавил он из себя, не скрывая раздражения.

— Думаешь, ты особенный, раз твой отчим — мэр, и правила на тебя не распространяются? Нам нельзя выходить из академии после десяти.

Я приблизилась к нему, и все его мышцы напряглись. Мои перчатки и маска остались в комнате.

— Боишься меня? — хмыкнула я, не скрывая злорадства.

— А не должен? Чего ждать от дочери убийцы и сумасшедшей?

Кровь забурила в жилах после этих слов, и ярость ударила в голову. Я часто слышала грязь об отце, но о матери никто не смел заикаться. Преодолев расстояние между нами, я вплотную прижалась к Фоксу. Пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. Запах дорогого одеколона ударил в нос, вызывая тошноту. Мне хотелось врезать ему, плюнуть прямо в лицо своим ядом.

— Я могу убить тебя одним плевком, — прошипела я с хищной хрипотцой. — Стать твоим ночным кошмаром, преследовать, как волк добычу. Способна превратить твою жизнь здесь в ад, и никто не поможет тебе. Потому что я знаю достаточно способов, чтобы остаться безнаказанной.

— Научилась этому, исходя из ошибок папаши? — Скользящая улыбка оголила его зубы. Корчил из себя храбреца. Жалкое зрелище.

— Придумай шутку получше. Эта давно изъезжена.

Голова Фокса склонилась ниже. Он всем своим видом пытался показать, что не боится меня, но я знала: это не так. Мои глаза, обладающие беспощадным зрением рептилии, вгрызались в темноту, считывая малейшую дрожь его тела.

Я наблюдала, как судорожно пульсирует вена на его крепкой шее. С такой скоростью колотилось его сердце. Сердце, которое пропускало удары от ужаса, как загнанный в силки зверь. Однако дыхание парня казалось почти ровным. Почти.

— В темноте твои глаза выглядят относительно нормально, — произнёс Фокс. В его издевательском тоне промелькнуло что-то похожее на любопытство.

— А твои всё так же уродливы. Знаешь, моему другу интересно: видишь ли ты хоть что-нибудь своим левым глазом?

Фокс отшатнулся. Кажется, я задела за живое, прокрутив нож в его ране. Я могла бы остановиться, но он сам развязал эту войну, а я слишком любила вкус чистой, безоговорочной победы.

— А ещё, — продолжила я, понизив голос, — я слышала, что ты убил свою мамашу. Чем же она тебе так не угодила? Не понравилось, что она нашла замену твоему папочке?

— Заткнись! — не выдержал он.

Его рука взмыла вверх. В ту же секунду я услышала рассекающий свист со стороны. Этот ублюдок воспользовался аберой и пустил в мою голову молоток, валявшийся возле псарни. Тяжёлое железо летело с убийственной скоростью. Инстинктивно я выставила руку. Пальцы сомкнулись на деревянной рукоятки, и инерция удара едва не вывернула мне запястье. Всего пара сантиметров отделяла холодный металл от виска.

Фокс замер, осознавая, что натворил. Его тело сотряслось мелкой дрожью, и он сделал два шага назад. Недоумок чуть не убил меня. Намеренно или нет — никто бы не стал разбираться. Возможно, деньги семьи спасли бы его от расстрела, но не от расплаты. До конца дней ему светила бы тесная камера и сводящий с ума писк «Колыбели», не успей я среагировать.

Эта слабость, этот яркий всплеск играли мне на руку. Если он не научился контролю за столько лет, то станет идеальным кандидатом в группу. Податливой глиной в моих руках.

Я отбросила молоток в сторону. Лязг металла о камни прозвучал как погребальный звон. Фокс выглядел напуганным. Теперь ни одна маска не могла скрыть ужас в глазах. Я сделала шаг к нему, и он отступил, выставляя руки перед собой, словно защищаясь.

— Не подходи ко мне!

— Ты жалкий, напыщенный кусок дерьма! Если ты не научишься контролировать свои эмоции, свою аберу, никакие деньги не помогут тебе выжить в этом мире! Сдохнешь даже раньше меня.

В тот момент, когда он переступил порог нашей академии, я долго не могла понять, что же в нём не так. Я часто просматривала новости, которые касались «Чёртовой дюжины», видела фотографии всех семей и запомнила лица каждого. Но мне никогда не попадались фото Дэниела Фокса. Подозреваю, что Генри хорошо приплачивал, чтобы уродство пасынка нигде не светило. Вид испуганного Дэниела помог мне уловить, что так долго меня смущало. Его волосы.

Мне вспомнился снимок, сделанный через несколько дней после аварии. Мальчишка с перевязанным лицом сидел на больничной койке. Кровавое пятно пропитывало белые бинты, на заднем плане виднелись плиты «Колыбели». Выглядел он таким же напуганным, как сейчас.

А в иссиня-чёрной шевелюре чужеродным клеймом выделялся серебристый клочок волос. Эти светлые прядки появились на его голове сразу после аварии.

Я вспомнила текст той статьи. Один и тот же вопрос всплывал там снова и снова. Никто не знал, почему волосы окрасились серебром. Одни считали это последствием травмы, другие твердили о необузданной абере. Я склонялась ко второму. Но я и представить не могла, какой сокрушительной мощью должна обладать его сила, чтобы при первом же всплеске выжечь пигмент.

Тот снимок исчез из сети спустя два дня, и больше Дэниел Фокс ни разу не попадал в объективы камер. Он не мог спрятать шрам, но серебро в волосах усердно заливал чёрной краской.

Я шагнула к нему. Оступившись, он позорно упал на задницу. Фокс напоминал напуганного щенка, загнанного в тупик. Простая истина обрушилась на меня: он не просто боялся потерять контроль. Он боялся своей природы. А значит, ненавидел самого себя. Фокс прятался и маскировался, пытался не выделяться среди других. Он походил на зелёных, скрывавших зрачки за линзами. Я никогда не понимала этого стремления. Стыд перед самим собой тянул на дно тяжёлым якорем.

Он пытался увеличить дистанцию, отползая дальше. Я сократила расстояние одним рывком и вцепилась в его волосы, сжимая их в кулаке. Прямо в том месте, где должна была скрываться серебристая прядка. Фокс выгнулся, склонил голову влево от резкой боли и простонал. Запах химического красителя не ускользнул от меня.

— Что ты творишь, сумасшедшая?! Ты же, мать твою, без перчаток! Не смей трогать меня! — его голос сорвался на испуганный визг.

— Заткнись, придурок! В отличие от тебя, я прекрасно контролирую абера.

Я дёрнула его ещё сильнее, заставляя смотреть на меня. Даже в этой вязкой темноте мне удалось разглядеть несколько серебристых волосков, с которых краска уже начала смываться.

— Это ведь из-за способности, правда?

Фокс молчал. Пытался оттолкнуть меня, но чем больше он дергался, тем глубже мои ногти впились в его кожу.

— Нет, из-за аварии! — огрызнулся он.

— Лжёшь! Твоё враньё пахнет хуже, чем эта краска.

— Если не веришь, зачем спрашиваешь?!

Он вновь попытался вырваться, и вновь его попытка провалилась. Я не знала, почему так упёрлась в свою версию, но нутро подсказывало: я права. А если так, его способности можно развить до невероятных, пугающих масштабов.

Друзья часто говорили, что я напоминаю им безумного гения. Мне всегда хотелось нащупать пределы анафем. Триста пятьдесят лет они существовали в мире, но до сих пор остались неизученными. Ник шутил, что, если бы мне разрешили покопаться в чужом теле, я бы не раздумывая приняла предложение. Как бы безумно это ни звучало, он попал в точку. Уверена, учёные и так занимались этим. Вскрывали черепушки особенных, копались в их скользких органах. Только особых результатов это не приносило. За три столетия они лишь подтвердили очевидное: наша ДНК — это другой код.

ДНК меня не волновала. Проявление силы интересовало куда больше. Мне хотелось знать, сколько жизней способен оборвать один кровавый за раз, прежде чем его сердце не выдержит и выдохнется. Насколько тяжёлый предмет могут поднять телекинетики, если сотрут свои ментальные барьеры. Как долго хамелеоны могут оставаться невидимками при условии, что их абера выйдет на пик. А ещё мне было чертовски интересно, можно ли развить свои способности до такой степени, чтобы «Колыбель» подавилась ими, не в силах раздавить волю полностью.

Эти вопросы въедались в мозг, не давая покоя, поэтому я ввязалась в наставничество. Оно давало мне право легально наблюдать за силой и её ростом. Мы с Ником часто пробирались в тренировочный зал, рубали «Колыбель» и захлёбывались собственной беспомощностью, пытаясь мимикрировать или пустить яд вопреки всему. Грёбаное устройство каждый раз втаптывало нас в грязь, ставило на колени, но я не планировала сдаваться.

Именно поэтому Фокс зацепил меня. Дети не могут контролировать свою силу первое время, но и использовать её на полную катушку у них не выходит. Всё начинается с крох. Огненные едва справляются с каплей пламени, хамелеоны мерцают на мгновение, а телекинетики с трудом сдвигают мелкие предметы.

Но Фокс, если верить слухам, смог столкнуть тачку с дороги. Да, он мог повлиять на руль или педаль, как сказал Аксель, но мне почему-то казалось, что он смог поднять в воздух саму машину. Если виновником аварии действительно был он, я хотела знать правду. Хотела убедиться в том, что старая байка, которую я слышала в детстве, могла оказаться реальностью.

— Дэниел Фокс, мне абсолютно насрать, что в своей жалкой жизни ты натворил и натворишь ещё. Можешь не оправдываться передо мной. Я не твой судья и палач. Мне лишь нужен честный ответ на вопрос, так что говори!

— Чёрт, сука! — выругался он.

Его руки ударили по траве, а затем схватили меня за талию и сжали так сильно, что я скривилась. Хорошо, что он всё ещё сидел на земле и не видел этого. Через короткое мгновение хватка Фокса ослабла, он уткнулся лбом мне в живот и тяжело выдохнул. Дрожь от его тела передавалась мне. Лихорадочное тепло просачивалось сквозь ткань одежды.

— Из-за способности, — тихо признался он. Слова прозвучали как стон капитуляции.

Самодовольная ухмылка появилась на моём лице. Я разжала пальцы, выпуская волосы Дэниела из плена.

— Перестань прятаться и бояться, идиот. Твоя трусость делает тебя слабым.

Я развернулась и пошла прочь. Больше не собиралась тратить время на этого придурка. Подойдя ближе к академии, я заметила Хейса, притаившегося в тени. Красный огонёк от сигареты выдал его присутствие.

— Ты всё видел?

— Ага. Возьмёшь его к себе?

— Я подумаю.

— Брось, Рид. Можешь обманывать своих друзей, но не меня. Фокс и Лейбёрн идеальны для тебя.

— Телекинетик и огненный. Забавно выходит. В начале учебного года я взяла двоих детей с теми же силами. Осталось решить, кого взять ещё.

— Добавь трёх стихийных, собери всю коллекцию. Зелёных ты всё равно никогда не берёшь.

Я встала рядом с Хейсом, прислоняясь спиной к холодной стене. Он протянул мне сигарету, и я сделала глубокую затяжку. Горький дым обжёг глотку. Ребята и Вильям много раз говорили мне бросить это занятие, а я всё время отвечала: «Какая разница? Это никак не влияет на мой организм».

— Кажется, ты сильно напугала паренька, — хохотнул Хейс, указывая на силуэт Фокса у псарни. Он всё ещё сидел на земле, маленький и сломленный на фоне огромного леса.

— Плевать. Он сам напросился. Могу я кое-что сказать тебе?

— Ты же знаешь, что я могила.

— Часть его волос окрасилась из-за аберы.

— Его отчиму удалось списать всё на аварию. Якобы мальчонка так испугался, что поседел, — Хейс говорил это с таким ледяным спокойствием, словно новость ни капли его не задела.

— Я слышала сказки о детях-телекинетиках, у которых способность в первый раз проявлялась так мощно, что во внешности что-то менялось. Но доказательств этому нет, поэтому всё списали на выдумки.

— Не выдумки. В отчётах таких называют аномальными, но вычислить их почти невозможно. Со мной тоже так было. В первый раз, когда аберрация вырвалась наружу, я разнёс сарай.

Я округлила глаза от удивления и уставилась на директора. Это откровение впервые влиялось в мои уши.

— Ты никогда не рассказывал. Что изменилось в тебе? Как часто такое происходит?

— Глаза. В детстве они были карими. Не знаю, как часто это происходит. Кажется, это единичные сбои, иначе о них бы трубили на каждом углу.

Мой рот открылся в немой попытке что-то сказать, но ни один звук так и не выдавился из горла. Радужка Хейса отливала мертвенным металлическим блеском. Я бы никогда в жизни не подумала, что когда-то она имела иной окрас.

— Мои родители никому не сказали об этом. Ни о сарае, ни о глазах. Я думаю, когда такое случалось, это усердно скрывали, — продолжил он. — Мне приходилось буквально выгрызать контроль над способностью. Тяжелее, чем остальным. Отчасти я понимаю Фокса. Из-за страха он не может обуздать свой телекинез, а из-за того, что не может контролировать аберу, он боится. Он заперт в чёртовом замкнутом круге.

— Но ты же как-то справился с этим.

— Я подорвался на mine, когда мне стукнуло двадцать пять. Из-за контузии способность ослабла, и для меня это стало Божьей благодатью. Но все годы до этого я жил словно в аду. Боялся любого срыва, боялся своей собственной сути. Дрожал, думая, что кто-нибудь узнает мой секрет. Фоксу повезло, что им будешь заниматься ты. Ты — его шанс на подобие нормальной жизни.

— Почему твои родители промолчали? Они думали, что тебе навредят, если правда всплывёт?

— Да. Возможно, будь таких случаев больше, от нас бы избавлялись так же, как от кровавых. Родители любили меня и не хотели подставлять под удар. А я быстро понял, что всю жизнь придётся прятаться за ширмой из лжи.

— Ты знаешь кого-нибудь ещё, с кем случалось подобное?

— Парочку ребят знал в детстве. Ты же знаешь, перед тем как попасть в академию, нас держат в инкубаторах некоторое время. До тех пор, пока учебный год не начнётся.

— Никогда не понимала зачем. Почему нельзя отправлять детей в школу сразу после чипирования?

— Потому что аберрация просыпается в разное время, а программа обучения одна для всех. Представь, что будет, если в середине года появятся новички. Весь процесс будет сбиваться раз за разом, коек на всех не хватит. Поэтому новых анафем маринуют в изоляции, дожидаясь момента, когда освободятся места после выпуска.

— Дети, которые пришли к нам в начале этого года, почти ничего не знали. Как будто им ничего не рассказали в инкубаторе.

— Они слишком мало там пробыли. Я взял тех, у кого абера проснулась в конце августа.

— Почему?

— Не знаю. Не хотел, чтобы они приходили к нам с потухшим взглядом после долгой изоляции.

— А что с теми телекинетиками, о которых ты говорил?

— Они тоже никому не признавались. Мне сознались только потому, что я заметил странности в их внешности. У одного половина волос на голове была серебристого цвета. Ему всё время приходилось стричься налысо, чтобы никто не заметил. А у второго по телу расплза-

лись белёсые пятна. Он никогда не снимал одежду при других. Медикам врал, что это родимые пятна. Попробуй докажи обратное. Мне думается, что сильный первый всплеск не просто меняет внешность, а стирает цвета с тебя. Понимаешь? Как будто забирает слишком много жизненной силы, и от этого часть тускнеет. Тем парням не повезло. Они так боялись своей аберы, что покончили с собой. За прошедшие годы Фокс — первый после них, о ком я узнал, и то от тебя. Я скрывал это всю свою жизнь, думаю, он тоже. Но когда-нибудь он может сорваться и навредить себе или другим.

— Как это работает?

— Не знаю. Не могу сказать, что это отличается от обычного проявления. Просто размах больше. Словно пытаешься удержать океан в ладонях.

— А потом?

— Потом притворяешься. Делаешь вид, что тебе тяжело применять силу, ведёшь себя как все дети, потому что боишься раскрыть правду. Потому что знаешь: если ты отличаешься, вряд ли тебя будет ждать что-то хорошее. Хамелеонам не повезло — с рождения выдаёт внешность. Правду тяжело скрывать, всё время боишься сорваться. Но когда подавляешь силу, не можешь потом использовать её нормально. Иногда я мог поднимать сотни килограмм, а иногда не мог сдвинуть жалкое перо. Я никак не мог прийти к балансу и начать развивать аберу правильно. Всё время душил её.

— Такие как вы с Фоксом всю жизнь живут в страхе.

— Все анафемы живут в страхе. Таковы реалии этого мира. Хочешь жить — умей выживать, лгать и притворяться. Верхушка знает о существовании таких как я. Просто закрывает глаза на это.

— Почему?

— Тебе лучше поговорить об этом с матерью. Касси, ты же не думаешь, что наука не изучила нас вдоль и поперёк? Пока мы выгодны, никто не раскроет всей правды обществу. Твоя мать одна из тех, кто проливает свет на вопросы, которые будоражат твоё сознание. Взять хоть трюк с опьянением кровавых. Это же она подсказала тебе.

Я дёрнула головой, вытряхивая из мыслей образ матери. Мне не хотелось говорить о ней, поэтому я поспешно увильнула от этой темы.

— Почему ты рассказал мне?

— Ты меня не сдашь. А даже если попробуешь, кто это докажет? Той необузданной силы больше нет. Я с трудом сдвигаю кирпичи. Но Фокс молод и напуган, ему нужна помощь. Если бы все размышляли как ты, Рид, мир был бы почти идеальным. Жаль, что люди по большей своей части трусы. Они боятся всего, что отличается от принятой нормы.

— Брось, не делай из меня святую.

— Ты заботишься о тех, кто учится в академии. А для некоторых детей делаешь больше, чем их родители.

— Не думай, что я делаю всё это из благих побуждений. Мне просто интересно наблюдать за аберой, а они все — мои подопытные мыши.

— Плевать, из-за чего ты делаешь это. У тебя хорошо выходит, а нам это на руку.

Я задумалась над словами директора. Этот разговор оставил в душе горький осадок. Хейсу действительно повезло, что его способность проявилась не на чужих глазах и его родители скрыли правду, лишь бы сын остался жив и невредим. Фоксу повезло тем, что его отчим смог списать всё на несчастный случай. Но теперь я смотрела на него иначе. Мне не хотелось испытывать к нему жалость, но история старика вынуждала взглянуть на элитника под другим углом. Кажется, Вильям проникся к парню, несмотря на его происхождение. Чёрт. Любопытство разыграло и во мне.

От избытка новой информации у меня загудела голова, а виски запульсировали тупой болью. Я уже хотела уйти, но вспомнила о том, как старик болтнул лишнего пару дней назад.

— Ты чуть не проболтался, — припомнила я Хейсу. Он сразу понял, о чём я говорю.

— Я не думал, что они не знают. Почему ты им не сказала?

— А сам как думаешь? Ты каждый раз пытаешься меня отговорить. Представь, что устроят мне они. От вас пятерых я не смогу отбиваться.

— Я всё ещё надеюсь, что ты передумаешь.

— Никогда.

Хейс тяжело вздохнул. Ему давно стоило понять, что я не бросаю слов на ветер. Я знала, что он переживает за меня. В конце концов, он отчасти заменил мне отца. Но своей жизнью я хотела распоряжаться сама. Даже если это распоряжение — шаг в пропасть.

— Выспись, Рид. Завтра я устрою вам догонялки. Посмотрим, насколько наши золотые детки выносливы.

— Решил в первый же день выжать из них все соки?

— Пусть привыкают. Тебе это тоже будет полезно. Увидишь их истинные лица в деле. Когда лёгкие горят, а ноги отказывают, маски слетают сами собой. Может, не придётся выждать неделю, чтобы выбрать, кого взять.

ГЛАВА 10. ДЭНИЕЛ

Грёбаная Рид выбила меня из колеи одним точным ударом, словно футбольный мяч за пределы поля. Вцепилась в меня клещами, а я, как идиот, сдался без боя. Проболтается она кому-то о моей аномалии или нет — по сути, неважно. Эти знания навсегда останутся только в её голове, ведь даже из секретных досье информацию обо мне уничтожили. Раз и навсегда. Но я бы не хотел, чтобы обо мне болтали. Привычка оставаться тенью, въевшаяся под кожу вместе с наставлениями отчима, требовала тишины. В нашем мире решение всегда можно изменить, и лишний интерес быстро превращает тебя в мишень, если ты становишься неудобным. Так меня учили с детства. Но её слова...

Перестань прятаться и бояться.

Перестань прятаться и бояться.

Перестань...

Они рикошетили в мыслях. Воспроизводились по кругу подобно бесконечной песне, которую не получалось остановить. Посеяли во мне зерно сомнений. То, что всю жизнь приказывали скрывать, Рид предлагала выставить напоказ с гордо поднятой головой. Сумасшедшая. Я не мог понять её помыслов. Играет она со мной или действительно пытается помочь, пусть даже таким жестоким и своеобразным методом?

Сон не желал приходить. Новое место и недавняя стычка с кровавой хамелеоншей пускали разряды адреналина по телу. Абера внутри глухо ворочалась, бунтовала, отвечая на всплеск эмоций. Руки всё ещё дрожали от применения телекинеза.

Закрывшись в ванной комнате, я смотрел на своё отражение в зеркале. Тусклый свет ламп выделял каждую тень на уставшем лице. Прядь волос выбилась из причёски и стояла торчком. Прядь, за которую схватилась Рид. Эта девушка пугала меня. Настолько, что я готов был бежать и звать на помощь, словно ребёнок. Чёрт! Ну уж нет. Больше эта стерва не увидит моего страха. Не позволю.

Выкрутив кран на полную мощность, я открыл флакон со специальным раствором. Едкий, химический запах ударил в ноздри. Содержимое вылилось на волосы. Немного подождав, я смыл эту дрянь. Серебристая полоска проявилась среди чёрной копны. Губы непроизвольно скривились, когда я посмотрел на неё.

Долгие годы Генри заставлял скрывать этот изъян. Люди из моего окружения олицетворяли собой идеальность. Я знал, как народ зовёт наши с Лейбёрном семьи. «Чёртова дюжина». Такое клеймо нам очень даже подходило. Богатейшие этого общества не терпели слабости. Ни мой шрам, ни серебро в волосах не вписывались в глянцевый, гламурный мир элиты, но им приходилось терпеть меня, ведь я — один из них.

Отчиму моя природа только мешала. Слишком большая обуза для человека его статуса. Он не знал правды о том, что случилось в день аварии, но ему пришлось покрывать меня. Мама позаботилась о моём благополучии ещё до свадьбы с мэром. Как будто нутром чувствовала. Она оставила завещание, в котором чёрном по белому говорилось: всё имущество семьи перейдёт в мои руки, а если Генри не уберёжёт меня, то останется ни с чем. Новоиспечённый папаша нехотя выплачивал крупные суммы, затыкая глотки журналистам, чиновникам, военным и даже учёным. Байку о том, что волосы поседел от страха и стресса, а не от выброса аберы, проглотили с удовольствием. Деньги в этом мире решали многое.

Жизнь во лжи стала привычкой, но Рид надавила на рычаги, о которых я раньше не задумывался. Я злился на неё, но на себя — в разы сильнее. Мог ведь продолжать врать и дальше. Почему же признался ей? Почему? Потому что устал терпеть эту ноющую, выматывающую боль от собственной силы. А она казалась единственной, кто способен не просто смотреть, но и видеть.

За день, проведённый в академии, я успел наслушаться историй об этой безумной фурии. Здешние студенты побаивались её, но уважали. Говорили: «Хочешь научиться жить, а не просто выживать в этом аду — иди к Кассиопее. Она сурова, но в помощи не откажет». Я не верил, пока не столкнулся с ней лично. Мне сказали, что она берёт наставничество над самыми надёжными детьми и обучает их так ярко, что они становятся лучшими в своём деле.

Ни в каких учреждениях, о которых я знал, подобного не встречалось. Нас учили только брать абери под контроль, но не более. Задача школ заключалась в том, чтобы выпустить анафем в мир беззубыми и безопасными. Никто не пытался развить наши способности. Иногда мне казалось, что чем меньше мы умеем, тем удобнее остальным.

Академия Вильяма Хейса напоминала другую вселенную, потому что здесь действовали иные правила. Правила, которые создала Кассиопея Рид. До сегодняшнего вечера я не думал, что такой подход будет меня прельщать. Я внушал себе, что прятаться в тени — это мой выбор. Но слова Рид заставили задуматься: действительно ли я хотел провести всю жизнь, боясь самого себя?

Первый всплеск моей абери ударил наотмашь. С тех пор страх перед телекинезом мешал нащупать собственный предел. Иногда даже обычная ручка отказывалась подчиняться, замирая на месте тяжёлым слитком. А в иные дни... я ощущал пугающую, неудержимую мощь. В такие моменты в ушах пульсировал невыносимый гул, а из носа толчками лилась кровь, густо пачкая воротник рубашки. Годами телекинез оставался моим персональным проклятием. Сила буквально сжирала изнутри, не находя выхода наружу.

Если Рид действительно так гениальна, как о ней говорят, то это может сыграть мне на руку. Ей нужно пять элитных студентов, и я вполне могу стать одним из них. Мне лишь нужно показать, что я готов. Придётся затолкать ненависть и страх к кровавым так глубоко, как только возможно.

Я вновь посмотрел на своё отражение, на отвратную серебристую прядь. Теперь она останется без краски. Выбор сделан. Уверен, Лейбёрн не сможет промолчать об этом. Плевать. Все и так считают это последствием аварии.

Утром голова раскалывалась от недостатка сна и не замолкающих мыслей. Оскар подлил масла в огонь. Разбудил меня и сразу начал засыпать вопросами.

— Какого хрена, Фокс? У тебя что, закончилась краска, и ты не смог спрятать это дерьмо?

— Оскар, это мои волосы, привыкай.

— Уродского шрама тебе было мало?

Моя челюсть сжалась так сильно, что зубы закрипели, а скулы свело судорогой. С Лейбёрном мы знали друг друга с детства, но сблизились в академии только из-за тесных связей наших семей. Язык у него молот без умолку, а слова вылетали изо рта быстрее, чем он успевал подумать. Если он вообще умел думать.

— Просто надоело тратить время на закрашивание, — соврал я. — К тому же, пока Генри не видит меня, можно забить на это. Здесь всем плевать на то, как я выгляжу.

— Самому-то нравится смотреть на себя в зеркало?

— Я привык.

Не дожидаясь его следующих слов, я покинул комнату и отправился в столовую. Рид и её компаньша на завтраке отсутствовали. И я не видел их до тех пор, пока директор не вывел нас на задний двор.

Он выстроил старшекурсников в две длинные шеренги и встал спереди. Хейс открыл рот, собираясь начать свою речь, но замолк, когда пять красных голов проследовали мимо нас. В

гробовой тишине стояли и студенты, чувствуя, каким высокомерием пропитался воздух вокруг кровавых хамелеонов.

Рид замедлила шаг, окидывая меня змеиным взглядом. Она смотрела так, словно оценивала товар на рынке, а потом едва заметно кивнула и направилась дальше. Вся её шайка встала поодаль, прислонившись спинами к стене. Они скрестили руки на груди и согнули одну ногу, упираясь ею в кирпичную кладку. В каждом движении сквозила пугающая синхронность, будто они подчинялись единому нейронному импульсу.

— Теперь я могу начать, раз все в сборе? — недовольно пробурчал Хейс хриплым, прокурненным голосом. Не получив ответа, он продолжил. — Сегодня вы сыграете в «Гончих и зайцев».

Шеренгу студентов прорезал гул недовольных вздохов.

— Что это за хрень? — тихо спросил у меня Оскар. Он переступил с ноги на ногу, и я услышал, как хрустнул гравий под его тяжёлым ботинком.

— Откуда мне знать?!

— Ладно, ладно, успокойтесь, — продолжил Хейс. — Можно подумать, вы на каторге. Для вас это отличный повод размять кости и развлечься.

— Ага, бегать как сумасшедшие по лесу — то ещё веселье, — выкрикнул кто-то из строя.

— Вас должна радовать возможность применять свои силы в полевых условиях, идиоты! — выругался старик. — Кто вам ещё даст подобную привилегию? Объясню правила для наших новичков. Вас разделят на две команды. Задача первой — бежать и прятаться, второй — выслеживать и ловить. Можете применять свои способности как угодно, только не смейте калечить друг друга и тем более не смейте убивать. Всё просто. «Гончие» ловят «Зайцев». Если все «Зайцы» пойманы — победят «Гончие». Если хоть одному «Зайцу» удастся скрыться до конца игры — победа за ними. Всё ясно?

— Так точно, сэр! — раздался нестройный хор голосов.

— Простите, но как именно их нужно ловить? — спросил Оскар, нервно теребя край своей рубашки.

— Свяжете их верёвками, когда поймаете. Тот, кто связан, считается пойманным и выбывает. Как только берёте «Зайца», приводите его на территорию академии.

— Звучит забавно, — отметил Оскар.

— Детский сад, — прошептал я, ощущая, как по спине скатываются капли пота. После промозглых холодов, осень решила напомнить о прошедших жарких летних днях.

— Если вопросов больше нет, мы начинаем. Хамелеоны, вон из строя! У вас фора ровно в десять минут, так что бегите, мои «Зайцы», и прячьтесь.

Все зелёные сделали несколько шагов вперёд, включая тех, кто прибыл из нашей прошлой школы. На их лицах застыло нескрываемое недовольство.

Хейс повернулся к компашке Рид.

— Кровавым нужно особое приглашение?

— Да ладно вам, директор, дайте новичкам шанс на победу, — хохотнул шут. Его голос звучал раздражающе беспечно для этого места.

— Николас Янг, не смей злить меня! Кассиопея, утихомирь своих псов и вставайте вместе со всеми!

Рид закатила глаза и оторвалась от стены. Остальные последовали за ней. Янг издал звук, похожий на волчий вой, а затем одной рукой обхватил плечи подруги и что-то прошептал ей на ухо. Ленивой и плавной походкой они подошли к толпе, поправляя крепления на масках.

«Шкалы» — пронеслось у меня в голове.

— Эй, Оскар, а разве у кровавого, который работает на твоего отца, фамилия не Янг? — тихо спросил я друга.

— Ага, походу, это его младший братец. А мелкая — его сестра. Кажется, её зовут Мари. Забавно выходит.

— Что именно?

— Как думаешь, на что они готовы ради благополучия своего братца?

Оскар хищно прищурился, и в его глазах блеснул опасный азарт. Я знал этот взгляд.

— Ты же не станешь шантажировать их?

— Почему бы и нет? Это же весело.

Хамелеоны подхватили с земли небольшие рюкзаки и закинули их на плечи.

— В рюкзаках вода и немного еды, — пояснил Хейс. — Предыдущий опыт подсказал, что игра может надолго затянуться. Сейчас десять утра, времени у вас до восьми вечера. Ровно в восемь все должны быть в столовой на ужине как штук!

Директор свистнул и махнул рукой хамелеонам. Все зелёные сорвались с места и рванули в сторону леса. Кровавые не спешили.

— Рид, время пошло! — гаркнул Хейс.

— Я слышала. Не люблю бежать вместе с толпой.

Прошло пять минут, и зелёные скрылись среди деревьев. Когда их силуэты окончательно растворились в лесной чаще, Рид и её компаньшка пустились следом. Они мимикрировали прямо на бегу. Их тела пошли рябью, и через секунду тропинка опустела. Лишь небольшие стуски пыли, поднимающиеся от земли, выдавали кровавых.

— Как поймать того, кого нельзя увидеть? — спросил кто-то из наших.

— Их сила не безгранична, — ответил Хейс. — Запаситесь терпением и будьте внимательны. Помните, что и у вас есть способности.

По окончании десятиминутной форы мы также подхватили рюкзаки и отправились на охоту.

Пять часов мы бегали по долбаному лесу. Эта игра начала выводить меня из себя. Липкий пот стекал по телу, а ветки так и норовили хлестнуть по лицу. Стоило заметить цель, как «Заяц» тут же испарялся в зарослях.

Иногда мы видели, как кто-то ведёт связанного хамелеона в сторону академии. Все они были зелёными. Ни одного красного за это время не поймали. Лес словно поглотил их без остатка, оставив нас гоняться за призраками.

Вода у меня закончилась за первые три часа. Солнце пекло как в аду, и я не рассчитал припасы. Последние двадцать минут я гнался за хамелеоном нашей школы, но этот гад умудрился оторваться.

Я остановился и согнулся пополам, хватая ртом раскалённый воздух. Ноги ужасно горели. Оскар пронёсся мимо меня, надеясь нагнать добычу.

— Лейбёрн, у тебя осталась вода? Я сейчас сдохну!

Он даже не остановился. На ходу крикнул мне, что воды нет, и скрылся между деревьев.

— Твою мать! — выругался я и пнул ногой камень. Боль тупой искрой прошила стопу.

Через несколько секунд мне в голову прилетела пластиковая бутылка. Я затравленно огляделся, но никого не заметил. Вода валялась прямо у моих ног. С недоверием я поднял её — ледяная. Плевать, откуда она взялась, жажда сжимала горло сухой хваткой. Дрожащими пальцами я открутил крышку и присосался к горлышку как к живительному источнику.

— Не трать воду понапрасну, — раздался голос из пустоты.

Я резко обернулся. Никого. Но готов поклясться, что слышал Рид. Взгляд лихорадочно скакал по кустам и тропам, пока не зацепился за ветви старого дуба. На дереве — ни души, но что-то показалось мне странным. Одно место выглядело нечётким, как будто картинку пропустили через битое стекло. Размытие шевельнулось, и из этого марева проступила Рид.

— У тебя хорошее зрение, несмотря на это. — Она ткнула пальцем на своё лицо, изображая мой шрам.

— Отвечая на твой вчерашний вопрос: да, я всё прекрасно вижу этим глазом.

Чёрт бы побрал эту гадюку! Почему я так легко выкладывал ей правду? Кровавые всегда оставались для меня загадкой. Да, они походили на зелёных хамелеонов, но, честно говоря, стоило назвать их «змеями».

Их остерегались, но что-то в этой опасности притягивало. Никто бы не признался вслух, но я знал многих, кто втайне желал переспать с одним из кровавых. И я не был исключением. Это походило на секс с заряженным пистолетом у виска — смертельная игра, где каждый стон мог стать последним. Адский выброс адреналина, который иногда так хотелось выпустить наружу.

Я покрутил полупустую бутылку в руках.

— Ты же не отравила воду?

— Ты был бы уже мёртв, будь это так, — буднично ответила она, отчего по спине пробежал холодок.

— Яд настолько сильный?

— А то ты не знаешь. Не прикидывайся дурачком.

Роль охотника в игре оказалась пустой формальностью. Рид видела во мне лишь добычу, и я невольно начал в это верить. Стоило ей снять маску, как улыбка хищника подтвердила догадку. Даже здесь она диктовала свои правила.

— Я могу связать тебя, и ты проиграешь.

— Правда? — Она театрально вскинула брови. — Ну вперёд, попробуй связать меня.

Я выудил верёвку из рюкзака и направился к дереву.

— Не так, — скомандовала она, заставив меня замереть. — Примени силу, Фокс. Давай, используй телекинез.

Моя челюсть сжалась, и мышцы на скулах задёргались в болезненном тике. Рид заметила это, и её улыбка стала ещё шире. Сука. Ей явно нравилось потрошить мою выдержку, а мне оставалось только глотать эти выходки. Что ж, я сам подписался на это. Я отступил назад, возвращаясь на место, и швырнул верёвку на землю. Выставил перед собой руку, пытаюсь нащупать внутри тот самый рычаг, но тщетно. Вместо силы в уши ударил оглушительный, тонкий звон, вгрызающийся в барабанные перепонки.

— Да ладно, Фокс, вчера у тебя получалось лучше. Помнишь, молоток?

— Заткнись, Рид, и дай мне сосредоточиться!

— Да-да, конечно, не торопись, у нас уйма времени, — её голос сочился приторным ядом. — У моей маленькой подопечной выходит лучше, а у неё всего одна рука.

— Да чёрт бы тебя побрал!

Верёвка взметнулась в сторону Рид, подстёгнутая моим гневом, но она откинулась назад. Спрыгнула вниз, перевернулась в воздухе и бесшумно впечаталась подошвами в мягкую почву, словно долбаная кошка. Верёвка беспомощно повисла на ветке.

— Какая жалость. Потерял верёвочку, — выдохнула кровавая, смотря на меня с победным блеском в глазах.

— Обязательно быть такой сукой?!

— А ты по-другому не понимаешь, — внезапно грозно сказала она, приобретая стальной оттенок в голосе.

— Ненавижу тебя и тебе подобных! — выплюнул я ей в лицо.

— Ненавидишь?! Не забывайся, парень. Ты тоже анафема. Опасная, редкая. Да моя природа по сравнению с твоей, — детский лепет. Аномальный телекинетик. Не думала, что когда-нибудь увижу такого собственными глазами.

— Тише, — выдал я, озираясь по сторонам. — Можешь не говорить об этом?

— Почему? Никто тебя не тронет.

— Ты не можешь знать наверняка.

— Единственное, что я точно знаю: ты погубишь себя сам, если не научишься контролю.

— А тебе то что? Смотришь на меня с презрением, давишь на больное. Нравится доводить меня до иступления? Или задевает тот факт, что я даже с аномалией могу прожить в своё удовольствие? У меня есть всё: деньги, статус, свобода. Тебе такое и не снилось.

Я пытался сбить с неё спесь, но она не поддавалась провокации. Напротив, её взгляд смягчился. Она хмыкнула, поднимая уголки губ в едва заметной улыбке. Подошла ближе, но угрозы в её жестах я не почувствовал. Такой контраст ощущений по сравнению с прошедшей ночью. Мне больше не хотелось бежать от неё.

— Нет у тебя свободы, Фокс. Вот твоя клетка, — тихо произнесла она, ткнув кончиком пальца мне в лоб. — И можешь подавиться своими деньгами. Всё твоё общество — лживые лицемеры.

Мой кадык прошёлся вверх и вниз по глотке. Нет, убить страх, навязанный годами, за одну ночь — невозможно. Я отступил на шаг, увеличивая дистанцию между нами.

— Я всё ещё могу поймать тебя, — сказал я, пытаюсь придать голосу холодную решимость.

— Ага, верёвку только достань для начала.

Рид развернулась и сорвалась с места. Через пару шагов её фигура начала размываться, пока окончательно не растворилась в густых тенях между деревьями. Только когда она исчезла, я полез за чёртовой верёвкой. Следующие пару часов я не видел эту фурию, но меня не покидало липкое чувство чужого взгляда, царапающего затылок.

Застать красноволосую вновь удалось на каменистом обрыве. Под ним бесновалась и ревела бурная река. Рид стояла на самом краю, не опасаясь внушительной высоты, и издевалась над Оскаром и Леоном.

Леон — стихийник воздуха, но его сил хватало максимум на создание лёгкого сквозняка. Кровавая выводила их на эмоции так же, как и меня пару часов назад. Они замерли в нескольких метрах от неё, боясь приблизиться и прикоснуться. Строптивая девчонка так и не надела маску и перчатки, подставляя кожу порывам ветра. Одна верёвка лежала у ног Леона. Рид ждала, пока он подхватит её потоком воздуха. Оскар же сжимал свою в кулаке. Красноволосая лениво щёлкала зажигалкой, высекая искры, и что-то говорила Лейбёрну.

Подойдя ближе, я заметил бутылку с водой у ног Оскара. Внутри всё похолодело. Этот кретин мне соврал. Я называл его другом, но сейчас почувствовал, как горечь предательства оседает на языке.

— Давай, Лейбёрн, всё просто, — подначивала Рид. — Раздуй огонёк, и я сдамся. Такая лёгкая победа, даже дети на это способны.

— Оскар, ты же можешь, — сказал я, поравнявшись с ним.

Оскар неплохо владел огнём. Он умел раздувать костёр из маленького огонька, и иногда ему удавалось играть с огненными сферами, легко жонглируя ими.

— Не так, как нужно ей, — прорычал Лейбёрн. Его лицо покраснело, а на лбу вздулась вена.

— А что ей нужно? — поинтересовался я.

— Она хочет, чтобы я переманил огонёк из зажигалки к себе, раздул его и перебросил через обрыв, и так десять раз.

— У него не хватит сил на такое, — отрезал я.

— Хватит, если хочет победить. — Она бросила зажигалку под ноги Оскару. — Ладно, упрощу тебе задачу: можешь не перемещать огонь, бери его прямо отсюда.

— Да пошла ты! Почему я вообще должен тебя слушать?!

— Господи, в этих ребятах нет никакого азарта и тяги к победе, — томно выдохнула она, глядя на нас как на мусор. — Почему вы такие слабаки? В ваших крутых академиях вас

хоть чему-нибудь учат? Уму непостижимо, почему вас считают элитой? Вы — бездарности! Из нашей академии выпускаются ребята в сто раз лучше, но нас всё равно считают сбродом.

Рид повернулась к нам спиной, всматриваясь в начинающийся закат. Ветер трепал алые волосы, превращая их в кровавое знамя. Её слова пробили брешь в самообладании Оскара. Пока красноволосая терялась в своих мыслях, он подхватил зажигалку. Над его ладонью с сухим треском сформировался огненный шар.

— Я покажу ей, на что мы способны! — рявкнул он и запустил сферу в Рид.

— Нет, Оскар, не надо! — выкрикнул я, чувствуя, как адреналин обжигает лёгкие, и срываясь с места.

Не знаю как, но мне удалось обогнать летящий огонь. Влипая в очередные неприятности мне не вьелось, а директор ясно обозначил правила. Я впечатался пальцами в плечи Рид, сбивая её с траектории. Пламя пронеслось в миллиметре от лиц, обдав нас жаром, и мы сорвались, переваливаясь за край скалы.

Мир перевернулся. Она сумела зацепиться одной рукой за выступающий камень, а второй — стальным хватом впиалась в моё запястье. Мы повисли над пропастью. Шум бешеной реки внизу бил по барабанным перепонкам. Сердце гвоздило в рёбра так, что дыхание перехватывало от страха. Рид же сохраняла спокойствие удава, но её пальцы так крепко сжимали мою руку, что ногти до крови впивались в кожу. На мгновение я испугался, что она по неосторожности пустит яд.

— Дэниел, какого чёрта ты полез?! — выкрикнул Оскар, подбежав к краю.

— Какого хрена ты творишь, Лейбёрн?! Ты мог убить её!

— Забавно, что об этом говоришь ты, — прошипела Рид.

— До конца жизни будешь напоминать мне об этом?!

— Возможно, а теперь заткнись. Будешь дёргаться, и я не удержу тебя. Придурки, спустите сюда верёвку!

Оскар и Леон сбросили один конец верёвки вниз. Я крепко ухватился за него свободной рукой и дёрнул пару раз, проверяя на прочность. Рид только казалась хрупкой, но я не думал, что она способна выдержать мой вес. Я весил в два раза больше, и каждая секунда нашего висения отдавалась жгучей болью в мышцах. Удивительно, сколько силы скрывало её тело, очередной раз доказывая преимущество кровавых хамелеонов.

Когда я убедился, что лезть наверх безопасно, Рид разжала пальцы, и я вскарабкался к друзьям. Колени дрожали, а ладони саднило от камней.

— Чёрт, чувак, ты в порядке? — спросил Леон, оттряхивая с меня грязь.

— Отвали от меня! — рявкнул я и грубо отпихнул парней.

Кровавая всё ещё висела над рекой и не торопилась выбираться. Я склонился над обрывом, протягивая руку.

— Эй, она же без перчаток! — выкрикнул Оскар.

— Да что ты! А ты не думал об этом, когда она держала меня над пропастью?! Давай, Рид, вылезай!

Она не шелохнулась. Вскинула голову, оскалила зубы в зловещей улыбке и произнесла:

— Вот ещё, я не собираюсь быть вашим пойманным зайцем.

Эта сумасшедшая оторвала руки от обрыва, толкнулась ногами о камни и полетела вниз. Прямо в полёте она мимикрировала. Погружение под воду выдал только небольшой всплеск.

— Да она чокнутая! Отбитая на голову! — вскрикнул Оскар. — Пойдём отсюда. Если она сдохла, не хочу, чтобы нас связали с этим.

Леон и Оскар пошли прочь, а я ещё некоторое время всматривался в быстрое течение. Лейбёрн не ошибся: Кассиопея Рид — чокнутая. Но эта её дикая свобода прошибала меня током, завораживала и пугала одновременно.

Мы вернулись в академию, так никого и не поймав. В столовой стоял гул голосов и лязг металла о дешёвую керамику. Все были в сборе. Все, кроме Рид. Её дружок Янг подлетел к нам пулей, стоило нам приблизиться к столу.

— Где она?! — сорвался он на крик. Вены на его шее вздулись, а пальцы сжались в кулаки.

— О ком ты говоришь, урод? — прыснул Оскар.

— Не стройте из себя идиотов! Где Касси?!

— Твоя подружка? Без понятия.

Янг почти набросился на Оскара, но три пары рук вовремя перехватили его.

— Не надо, Ник, — затараторила его сестра. — Ты же знаешь Кас. Уверена, с ней всё хорошо.

Тканевая маска скрывала половину лица Янга, но я видел, как его зрачки сузились в тонкую линию, оголяя аметистовую радужку. Капилляры в белках налились кровью, делая его взгляд по-настоящему дьявольским.

— Если вы что-нибудь сделали с ней, я уничтожу вас! — не унимался он.

Оскар резко притянул его за грудки, вцепившись в футболку. Я видел, как он хотел схватить парня за волосы, но отпрянул, вспомнив о яде кровавых.

— Послушай, ты, урод красноволосый, думаешь, я боюсь тебя? Думаешь, можешь вести себя как король на этой помойке? Так вот, нет! Мне достаточно написать одно коротенькое письмо своему отцу, и жизнь твоего брата превратится в сущий ад.

Ни одна мышца на лице Янга не дрогнула. Казалось, ему плевать на судьбу старшего брата. В этот миг для него существовала только Рид. А вот Мари побледнела, её глаза широко распахнулись. Она крепче сжала руку Ника, пытаясь оттянуть его от Оскара.

— Если будешь паинькой, — продолжал Лейбёрн, — я, так и быть, подумаю над тем, чтобы не портить жизнь твоей семье.

— Ник, пожалуйста, — взмолилась младшая Янг.

— Оставь их, Ник. Кас скоро вернётся, — встрял качок, тяжело опуская ладонь на плечо друга.

Кровавый ничего не ответил, и Оскар оттолкнул его от себя. Янг сверлил нас глазами, пока дружки не оттащили его в сторону. Только Свон не ушла с остальными. Она нацелилась на меня, ожидая, что я скажу хоть что-то.

— Вали к своим, — приказал Лейбёрн, но она не шевельнулась. Даже не посмотрела на него.

— С ней всё в порядке? — её тон сквозил решимостью. Я понял, что Свон не отступит. Только, в отличие от своего друга, возьмёт измором, а не кулаками.

— Не знаю, — признался я.

Мысленно я молился всем богам, чтобы Рид вернулась. Что-то остро подсказывало мне: если она не появится, эти четверо перегрызут нам глотки не задумываясь.

ГЛАВА 11. НИК

Игра, придуманная Хейсом несколько лет назад, давала Касси отличную возможность прощупать новичков. Она не ошиблась: они все — стадо безнадежных идиотов. Плевать, кого выбирать, — ошибку совершить невозможно. Единственное, чего я хотел, чтобы она держалась подальше от выкормышей «Чёртовой дюжины». Но Кас, как назло, слишком долго и часто впивалась взглядом в этих двоих придурков — Фокса и Лейбёрна. Я легко читал этот прищур. Она не признавалась, но я понимал, что она уже всё взвесила и вынесла вердикт. И мне это чертовски не нравилось.

Пробежав немного в глубь леса, мы затормозили. Кас первой сбросила маскировку.

Нашу способность называли «невидимостью». Простое слово. Но оно нам не подходило. Учёные дали этой абере более точный термин — мимикрия. Мы сливались с окружающей средой, но полностью не исчезали. Заметить почти невозможно, но если взглянуть до рези в глазах, можно различить дрожащие пятна, плывущие по воздуху.

Кас стянула маску и перчатки, запихав их в карман штанов. Кожа на её руках покраснела от плотной ткани.

— Ну и что будем делать? — спросил я. — Подыграем Хейсу и погоняем этих идиотов по округе?

— Разделимся, — бросила она. — Я не могу наблюдать за всеми сразу. Вы — мои глаза. Изучите новеньких, выжмите из них эмоции. Мне нужны стихийники. По одному от каждой категории. Огненного можете не искать, я возьму Лейбёрна.

— Лейбёрна?! Да ты издеваешься! — Я чуть не подавился слюной. — Только не говори, что и Фокс пойдёт в твою команду.

— Пойдёт, — кивнула Кас с ледяным спокойствием. — Он идеально подходит.

— Как и любой другой! — не унимался я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Выбери других!

— Уймись, Янг, Кас разберётся, — встрял Аксель.

— Не лезь! — рявкнул я.

— Я уже решила, Ник. Либо прими это и помоги, либо не мешай.

Кас развернулась и рванула прочь, оставляя нас. Вскоре лес поглотил её, растворив среди листвы. Несмотря на применённую силу, я продолжал провожать её взглядом. Абера хамелеонов давно перестала мешать мне разглядывать их.

Ким и Мари побежали в другую сторону, а мы с Акселем так и продолжали стоять на месте, вставая подошвами в сухую землю.

— Если ты так ревнуешь, предложи ей встречаться, — прыснул друг.

— Я и Рид? Не смейся. Мы с ней слишком опасное сочетание. И я не ревную, а пытаюсь уберечь. Не говори, что тебя не волнует этот выбор.

— Волнует. Но я давно усвоил: проще встать под несущийся поезд, чем отговаривать фурию от того, что она вбила себе в голову. Себе дороже.

— Если богатенькие соплежуи выкинут что-нибудь, я пущу им яд под кожу.

— Не сомневаюсь в этом. И поверь, я с радостью помогу тебе. А теперь пойдём, найдём жертв, которые её устроят.

Мы с Акселем блуждали по лесу слишком долго, прежде чем наткнулись на двух девушек из академии имени Фокса. Они застыли как вкопанные, увидев нас. В нос мгновенно ударил запах парфюма, смешавшийся с их животным страхом. Они не могли вымолвить ни слова. Их реакция позабавила. Мы даже не использовали способность. Честно говоря, нам было всё равно, поймают нас или нет, но нравилось развлекаться. Вечный азарт — то, чем мы жили.

— Эй, красотки, чего вы так испугались? Мы не кусаемся, — хохотнул я. — Как вас зовут? Какими аберами вы владеете?

— А мы, что, на собеседовании?! — огрызнулась одна из них. Блондинок я всегда считал стервами. — Молли, доставай верёвку.

— Челси, но они же кровавые. Я к ним не подойду, — испуганно пролепетала вторая.

— Значит, Молли и Челси. Славно, славно...

— Ты, урод, закрой пасть! — рявкнула Челси.

— А то что? — Я сделал шаг вперёд, и они попятились. Под сапогом хрустнула ветка, заставив их вздрогнуть. — Я задал вам два вопроса, на один из них у меня уже есть ответ. Теперь говорите: какие способности?

— Я сейчас покажу тебе, какие у нас способности!

Челси взмахнула рукой, и жалкая горсть земли полетела мне в лицо. Слишком слабо и слишком медленно. Я даже не торопился, чтобы уйти от этого удара. Смех пробрал меня и Акселя, заставив щёки девушек покраснеть.

— Смотри, Аксель, какая боевая! Ну а ты, малышка Молли, что умеешь?

— Я управляю водой, — почти шепча, призналась она.

— Если ты владеешь водой так же, как твоя подружка, то слово «управляю» звучит слишком громко. Тебе только слюни в кулак собирать.

Лицо Молли залилось пунцовой краской ещё больше, и она опустила голову. Мои слова полоснули по её самолюбию.

— Валите отсюда, — сказал Вульф. — Найдите добычу себе по зубам.

Студентки бросились наутёк. Улыбки на наших лицах походили на оскал, когда мы смотрели, как неуклюже они спотыкаются, пытаясь убраться подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.